

САХАРНИЙ
ФРОНТ

0 мили

р. Ока

Царанцев В.

Без вести пропавшие солдаты Манштейна

Навля
ГРУППА
АРМИЙ
«ЦЕНТР»

Севск

Часть первая

Курск

СТЕПНО

р. Сейм

Суджа

Обояни

Корюков

Лебедин

Борисполь

Томаровка

Корюков

Herbert Gottscholf

Hans Lang

Fredmut Sittig

Грайворон

Белг

ГРУППА
АРМИЙ

Харьков

САХАРНИЙ
ФРОНТ

Валки

Линия фронта
4 июля 1943 г.

Владимир Царанцев

**Без вести пропавшие солдаты
Манштейна. Часть первая**

«Издательские решения»

Царанцев В.

Без вести пропавшие солдаты Манштейна. Часть первая /
В. Царанцев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963765-9

Неожиданная встреча в ночном овраге с солдатами Вермахта 1943 года, которые готовились к генеральному наступлению на Курской дуге, поставила автора этих строк перед выбором: помочь людям, неожиданно оказавшимся в сложной ситуации, или отомстить им как захватчикам только за то, что на них надета гитлеровская форма времён Второй мировой войны. Всё-таки с природой что-то случилось, иначе откуда вдруг в наше время появились настоящие немцы, а на землю Украины пришли проклятые людьми бандеровцы.

ISBN 978-5-44-963765-9

© Царанцев В.
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	6
Глава 1	19
Глава 2	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Без вести пропавшие солдаты Манштейна

Часть первая

Владимир Царанцев

© Владимир Царанцев, 2019

ISBN 978-5-4496-3765-9 (т. 1)

ISBN 978-5-4496-3766-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я понимаю, что начало моего рассказа о жизни людей на хуторе покажется Вам скучным и не интересным, но без этого ни как не обойтись и поэтому я и хочу начать свой рассказ именно с моего приезда на этот хутор, где в его окрестностях произошли удивительные, невероятно правдивые и даже зловещие события в эти выходные дни.

Вместо предисловия

Как хорошо иметь домик в деревне! Эти восторженные слова мог придумать лишь тот, кто видел деревню только в экране телевизора. А для человека, родившегося и прожившего чуть ли не половину своей жизни в городе, и приехать, на день-другой, в такую глухую деревеньку, да ещё, если она стоит вдали от асфальтированных дорог, с одним телевизионным каналом, работающим только в хорошую погоду, и, конечно, без природного газа, а кое-когда и без электричества, то это как заново ему родиться и очутиться в спецбольнице на дальних выселках, при полном самообслуживании.

А как же этому приезду рады ваши родственники, с тревогой посматривающие на маленькое облачко, показавшееся на горизонте, совсем не кстати к вашему приезду. Не дай бог пойдёт дождь, и тогда местные жители ещё на неделю могут остаться без городских продуктов. И тогда уже им придётся идти в ближайшее, более крупное село, где есть сельпо, меся грязь своими старческими ногами, напрямик, через овраги и по тропкам, протоптанным через колхозные поля, ими хоженными-перехоженными с раннего детства, чтобы купить соль и сахар, селёдку и всё нужное для дома.

А когда стоят солнечные дни, тепло и тихо как в санатории, то лучшего места и не найти для человека где прошла его жизнь от самого дня рождения. Где за околицей, на погосте, лежат бабушка с бабушкой и мать моей тёщи, так и не дождавшаяся мужа с фронта, без вести пропавшего ещё в тяжёлом сорок втором году. И её рано ушедшие подружки-одноклассницы, с которыми ходила она за три километра в ближайшую школу-восемилетку соседнего села. И тёщин муж, не дошедший в пургу эти три километра до своего дома, бредя после работы напрямик по полям и оврагам с наметёнными в них пургой сугробами, и присевший передохнуть в затишке, да так и оставшись в нём навсегда.

А какие у нас летом места! Воздух чистый, тишь и красота! Соловьи здесь поют так, что невозможно не влюбляться! А как радуется душа весной, когда видишь просыпающуюся от зимней спячки природу, как парит и пахнет нагретая солнцем земля, сначала у завалинки, а потом всё больше и больше освобождая замёрзшую землю от надоевшего за зиму снега! Видеть добрые лица своих соседей истосковавшихся по зелёной траве и тёплым дням, и уютный хутор в белом кружеве цветущих садов. Любоваться близким и родным лесом, с его красавицей-опушкой меняющей каждую неделю свой наряд: то накинёт ромашковое платье, то васильковое, а то нарядится в яркую зелень с россыпью алой земляники. Вдыхать густой воздух от переизбытка ароматов цветущих фруктовых деревьев, и душистого разнотравья, укрывшего разноцветным, весенним ковром всю округу, и чувствовать запах родного домашнего подворья. Слышать, как где-то протяжно скрипит старый колодезный ворот, узнавать знакомые хлопья калиток по утрам, и вдыхать тёплый дух испеченного хлеба – всё родное и знакомое с самого детства. Эти ароматы, растекаясь по хутору, смешиваются с запахом перегнивающей соломы, с дымком затопившейся печки, куда бережливые хозяева, ради экономии дефицитного угля, кинули прошлогодний, высушенный на солнце кизяк, который ещё больше усиливает запахи родной деревеньки, каких нет, и не может быть в других местах. Радоваться степенно шагающей стае гусей, под охраной грозного вожака, не упустившего случая пошипеть на тебя, вытянув свою длинную шею, и улыбнуться поднявшемуся переполоху в курином семействе спокойно пасшихся перед домом, от несущейся куда-то сломя голову соседской кошки, выскочившей из подворотни. Слышать родные голоса оставшихся односельчан в ещё живых домах, пока ещё не заколоченных крест-накрест досками. И гадать, какие ещё новости принесёт на хвосте соседка – Марфушка, брехливая и скандальная, до неприличия нахальная и любопытная, к тому же вороватая, однако по-крестьянски трудолюбивая, но жадная. Как ей удаётся видеть всё, что делается в чужих дворах, остаётся загадкой для всех хуторян. И на своих

вечерних посиделках, или днём у колодца, она об увиденном обязательно рассказывает всем. На хуторе её побаивались, откровенно не любили и по-соседски с ней не дружили. А уж если Марфушка заходила к кому-то в дом, то, считай, разговоров об этом у неё было на всю неделю, а то и на две – высмотрит даже то, чего и не было в доме.

Вот в таком «Куршавеле» и спрятался этот хуторок за поворотом широко раскинувшегося оврага, подальше от автомобильной дороги, за посадками и перелесками, вольготно устроившись на большой опушке леса, с головой укрывшись зеленью своих фруктовых садов. Что ещё надо человеку для счастья?

А когда опустится на село тихий и тёплый вечер, и все домашние дела уже как бы переделаны, вот тогда и есть время посудачить с соседками, отмахиваясь от назойливых комаров, сидя на скамейке под густой сиренью, а кто и на принесённых с собой табуретках. Досыта наговориться и уйти домой, оставив за собой всю землю усыпанную шелухой от семечек, по осени собранных тёмными ночами на колхозном поле.

А утром придёт новый день, навалится новая работа, от которой никуда не деться и не оставить её на завтра, иначе за тобой будут бегать крикливые куры, а сердитые гуси будут тянуть к тебе шипящие шеи. Сбившись в кучу, станут громко крякать утки на нерадивую хозяйку и обязательно разбудят любящую поспать в этот ранний час свинью – Хавронью, и тогда она, боясь опоздать к раздаче корма, поднимет такой визг на весь хутор, которому уже ты будешь не рада. А ведь ещё не полотый огород, нужно опрыскать картошку от колорадской обжоры, что-то себе приготовить, да и стирка собралась, и так до самого вечера не покладая рук, забыв о болячках и не помня, куда задевалось нужное лекарство и запасные руки.

Скорее бы был вечер, лавочка с соседками и вечерняя кружка с чаем дома, заваренным с листьями чёрной смородины или лимонной мелиссы, бессонная ночь с мучительными раздумьями о прожитой жизни, о быстро выросших детях и подрастающих внуках. Это в молодости время течёт медленно, когда даже неделя кажется длиною в жизнь, а потом вдруг раз – и вот он юбилей, седина в волосах и дочку уже по имени-отчеству называют. И всё, понеслись денёчки под откос, не догонишь! Куда они так торопились, подгоняя один другого, точно боясь куда-то опоздать? Зачем? Нет ответа! С такими мыслями незаметно для себя и засыпает – усталая и добрая, всевидящая, всё понимающая и всё прощающая...

Вот и ждут они, одинокие матери и тётки, когда подойдёт пятница и приедут из города дети и зятья, которые привезут им своё душевное тепло, радость заботы о близком и детские голоса внуков – всё то, что называется жизнью. Мужики подправят покосившийся забор, заменят прогнившую доску на крыльчке и изгрызенную кабаном кормушку в свинарнике. По весне посадят картошку, а по осени уберут. Привезут из лесу сушняк на лошадке, выпрошенной у соседа, и заготовят на зиму дрова, напилев, наколов и сложив в сарае всё ровными штабелями. И выполнят столько дел за день, что заснут они, не доходя до кровати, успевая ещё подумать о том, как бы свернуть голову пунктуальному петуху для пользы дела и наваристого супа. Ведь наутро им надо будет брать косу, чтобы накосить луговой травы, пока на ней ещё роса, иначе по солнышку так косой намахнешься – лучше любой аэробики.

Когда позволяла хорошая погода, я всегда старался проехать на хутор по дороге, которая была наезжена хуторянами понизу большого оврага. Во-первых, если ехать по асфальту, то путь увеличился бы на добрый десяток километров, а во-вторых, дорога по грунтовке сразу приводила к дому моей тётки.

Вот и в тот раз, съехав с асфальта и спустившись по крутому склону оврага с накатанной грунтовой дорогой местными автомобилистами, которая дальше вилась уже по его широкому низу, я приехал на хутор, когда солнце было ещё в зените. На этот раз хутор встретил меня громкой музыкой с жизнерадостными танцами около дома соседней по улице, которые жили недалеко от нас. Этот дом, наверное, сильно любил домовой, который наверняка жил где-то в нём – уж очень вкусно там всегда пахло со двора пирогами и часто звучали задушевные

песни из старой радиолы. А сейчас наши соседи разгулялись так, что даже во дворе им уже места было мало и их разудалое веселье выплеснулось на улицу. Подъехав к нашему дому, я с радостным чувством стал смотреть, как люди весело кружились в захватывающем танце, размахивали руками и пританцовывали под музыку ансамбля «Бони-М». А чего им на улице не танцевать когда родни у них было как ни у кого на хуторе? Когда они все собирались что-то отмечать, то в саду выставляли столы и удлиняли их между собой листами толстой фанеры, а если своих стульев не хватало, то скамейки или табуретки просили у всех своих соседей. Вот что значит большая и дружная родня – прямо завидно было.

Зная о моём приезде, тёща уже открыла ворота и стояла на крыльце, сложив на груди руки, с опаской поглядывая на небо.

– Здравствуйте, мама! Что это за веселье у Макаровых? – первым делом спросил я, выйдя из машины.

– Да какое там веселье! Крестины правнуку они отмечали, а дед Петро, будь он неладен, глядя на молодых, тоже решил показать в танце свою удаль молодецкую. Да ноги ведь уже не те, и выпил маленько на радостях за своего правнука, вот и закружилась голова у старого, повело-повело его назад, на ногах не устоял, да и врезался в улей со всего маху тем что ниже спины, и вместе с ним и упал, ну и отлетела крышка у того улья. Вот сейчас все и танцуют, кто и танцевать-то не умел! Старый-то старый, а быстрее всех сообразил заскочить в погреб и закрыться там. И главное ещё кричит нам оттуда, мол, не пушу ни кого, а то вы мне пчёл своих запустите! Бегите в хату! А в хате тоже такие же умники уже закрылись! Хорошо хоть вспомнила, что у меня свой дом есть. Я только в молодости так бегала! Чего я сейчас дома-то сижу, боясь даже выйти в огород? Искусают ведь пчёлы – будешь ходить потом как баба Бабариха, кривая на один глаз.

– И что же теперь делать? Ведь они затерроризируют весь хутор!

– Позвонили вроде бы уже Григорию, другу-пасечнику нашего героя, тот обещал приехать – рой на место в улей посадить.

Как бы небыло худо-бедно, и пока до нас пчёлы не долетели, я решил даром время не терять и сразу принялся за кровлю открытой веранды, которая опоясывала все сени с трёх сторон тёщиного дома. Шифер был привезён заранее, и мне только осталось затащить тяжёлые листы на стропила веранды и прибить их гвоздями. Когда-то я убедил свою тёщу, что такая просторная веранда украсит весь дом, и на ней в дождливую погоду можно будет и шашлыки приготовить, и бельё высушить, и посмотреть, что делается в саду-огороде, не выходя из дома.

Начав укладку тяжёлых листов шифера со стороны огорода, я как-то незаметно для себя уже заканчивал с укладкой и со стороны улицы. Как вдруг увидел, что по ней, в своём неизменном трико с пришитыми широкими штрипками, чтобы не спадали с ноги комнатные тапки, одетыми на босу ногу, загребая мягкую дорожную пыль, куда-то спешил с деловым видом Сашка – городской житель, купивший по соседству от меня пустующий дом – то ли под дачу, то ли вообще под постоянное место жительства, чему я не очень-то и верил. Был он чем-то неуловимо похож на Вицина – такое же худенький, и с такими же несчастными глазами и доброй улыбкой, вот только к сельской жизни эта ходячая копия артиста была абсолютно не приспособлена. И не только к тяпке и лопате, но и к топору с молотком, отдавая своё предпочтение только гамаку в саду и сельскому самогону, в чём был большой дока, хоть и употреблял он его умеренно, но довольно часто. По городским меркам... Нет, не так! По меркам нормального человека, он и сейчас был крепко датый, а по его оценке – даже вполне ничего. Такого специалиста на селе ещё нужно было поискать – унюхает запах даже там, где только задумали гнать самогон. И вот из-за этого уникального качества, он так же часто попадает в разные истории, которые прямо таки его любят, давая очередной повод местным бабкам почесать языком на своих вечерних пересудах, а заодно и пожалеть его жену. Скорее всего, инициатором покупки дома была его работающая половина, решившая таким образом сбегать мужа

в деревню с глаз долой, но с выгодой для себя – и сторож свой на даче, и мужик вроде бы при деле!

– Санька, ты куда это так торопишься? – окликнул я, видя его первый раз куда-то спешащим, отчего мне даже стало интересно узнать, что же на этот раз задумал Сашка – притча во языцех всего хутора.

– Ой, приветик, сосед! Ты уже приехал? Ик! А я думаю, кто это так долго стучит молотком на весь хутор? – сделал удивлённое лицо, и задрал свои брови высоко на лоб, Сашка остановился перед воротами и с большим любопытством стал рассматривать проделанную мною работу, с трудом фокусируя на мне свои глаза.

– Он, видите ли, долго «думал»! Смотри ты на него! Я и не знал, что ты умеешь ещё и думать! А то тебе от своего дома не видно было, кто это стучит? Видел ведь, что я один корячусь – взял бы да пришёл, да хоть один лист бы мне наверх и помог подать! Попроси ещё меня, когданибудь тебе помочь – я тебе так же помогу – лучше уж и не подходи просить!

– Ну чего ты так раскипятился? Ик! Я, честное слово, не знал, что это ты стучишь! Да и опасно было из дома выходить из-за этих пчёл. Ик! А то бы обязательно пришёл и помог тебе! А как же! Ты же меня знаешь! Ик! – не переставал икать сосед.

– Угу! Как же, пришёл бы ты! Считаю, что я тебе уже поверил! Сачок ты большой, Санька! Да ты, если бы мог обойти мой дом стороной, да ещё что б я не видел, то с радостью бы обошёл его, да негде обойти – там марфушкина территория, а это для тебя смерти подобно! Иначе поймает она тебя, да шутя прибьёт, и закопает вместо навоза, если увидит у себя в огороде! Постой! А куда это ты, дружок, направился такой нарядный? Людкин-то халат, зачем нацепил? Ты б ещё кимоно надел, с бантом на заднице!

– Но я ведь на даче! Здесь, на просторе, я себя чувствую мелкопоместным помещиком! Ик! – не переставал икать Сашка.

– Ох, ёкарный бабай! Я дико перед вами, барин, извиняюсь! Ты уж прости меня за моё не знание, как там тебя по-светски называть, но я, правда, немного забыл, что для тебя дача, это гамак и розы! Это для меня, только вилы и навоз!

– Ну, кому что! – немного замявшись, и даже как мне показалось, чуть-чуть по-барски, но всё-таки от этого как бы смущаясь, ответил Сашка, ковряя носком своего замызганного тапка землю перед моими воротами.

– Тогда уж заведи себе и русских борзых для крутизны, и Марфушку в дворню не забудь взять!

Сашка быстро перекрестился с оглядкой по сторонам.

– Ну, чего ты? Чего ты привязался к человеку? Ик! – Сашка прямо позеленел от злости. – В лес иду я, за сушняком. Ик! Вчера с Васькой марфушкиным договорился, что он поможет мне со своим конём перевезти заготовленный дубняк из лесу на моё подворье. Ик!

– Подворье у него! Смотри ты! Одни ворота покосившиеся с калиткой стоят, подпёртые жердиной! Ты бы к ним хоть какой-нибудь плетень пристроил бы, что ли! Свой сгнивший забор ведь ещё зимой пустил на растопку! Неужели ты сам не видишь, как соседские куры на твоём крыльчке все ступеньки испятнали – ходят по твоему подворью как у себя в курятнике. Ещё поскользнёшься, да копчик себе отшибёшь. Да и подворье своё пора бы уже выкопать, вон, отсюда видно какую здоровенную полынь вырастил себе перед домом! Тебе перед женой не стыдно, а? А чего же это ты, если договорился с Васькой, в лес один идёшь? Куда Ваську-то дел?

– Так он заранее в лес поехал, чтобы Марфушка не видела! Ты ж только смотри ей не скажи, что нас видел! Иначе мне тогда не жить! Ик!

– Странно! Телегу я видел, а Ваську с конём нет! Да и как я мог их видеть, если они, скорее всего, ползком проползли от своего дома до самого леса? Ну конечно! Там же трава стоит ещё не кошена! Я ещё тогда очень удивился – куда это телега сама покатила? Но подумал,

что мне это примерещилось! Ох, господи! Так это выходит, что они с конём ползком и телегу за собой тащили!? Что же я сразу до этого не додумался?! А ты молодец! Ему не жить! Ха-ха! А Васька, что, думаешь, переживёт тебя? – съехидничал я, хорошо зная затурканного Ваську и на что способно его дорогое исчадие, – и чего бы я стал с Марфушкой делиться секретами? Да как приехал я на хутор, так её ещё и не видел! Наверное, где-то опять шастает по чужим садам, пока хозяева в поле. Это ты у неё в друзьях ходишь! Недаром она мне все уши прожужжала о тебе за это лето!

Отмахнувшись от меня как от вредной и приставучей мухи, Сашка ушёл по своим делам, что-то сердито бубня себе под нос, наверное, склонял меня за мои нравоучения, которых за свою жизнь он уже и так наслышался от всех выше крыши. Ну что ж, тому, кто не хочет менять свою жизнь, помочь уже невозможно. А я, затащив наверх оставшиеся листы шифера, продолжал стучать молотком, пока не услышал марфушкин визгливый крик:

– Сосед, а сосед! Э-эй, что б тебя! Ты мого Ваську не видал?

Кричит, аж уши режет! Весь хутор переполошила небось! Зачем так орать? Прямо как резаная! В своём неизменном синем халате от Версаче, доставшейся ей в наследство ещё со времён работы на колхозной ферме, Марфушка стояла за забором, засунув руки в карманы необъятной глубины, куда она умудрялась спрятать по полведра наворованных в чужих садах яблок, и, задрав голову, смотрела на меня, как лайка на белку.

– Нет, не видел!

Господи, ну до чего же ты противная! Это же надо такой уродиться, чтобы быть неотлично похожей на бывшую госсекретаршу США Мадлен Олбрайт! Просто удивительно, как могла природа создать двух так похожих друг на друга людей не только лицом, но и поведением за тысячи километров друг от друга!

– А Сашку Людкиного? – в её голосе слышалось заранее приготовленное недоверие.

– Да и его не видел сегодня! А что случилось-то?

– Не видал он, как же! Что-то я больно сумлеваюсь! Полдня сядит сабе наверху, и ни чаво не видит, что делатса на хуторе! Так я и поверила тебе! Да ты стукаешь там уже часа штыре – усем голову пробил своим молотком!! И чаво тебе пчёлы не закусали! Не видал он! Ну, тогда точно! Это они в лес подались дрова Сашке воровать! А может быть, этот прохвост—Сашка уже успел с кем-то договориться привезти дрова за банку самогона? Ах ты пёс лудёный! Ух, паразиты! Кого вы хотите надурить? Ме-ня? Ну, я вам таперича покажу, как без мого спросу коняку со двора брать! – и, развернувшись, резво побежала в сторону леса.

Вот зараза! Ей бы в уголовном розыске работать, с её дедуктивным методом сыска, а она у своих соседей яблоки ворует!

Мне уже стало интересно, чем же это всё закончится, потому что я точно знал – если Марфушка завелась, то одного дня ей будет мало. И точно!

Первым мимо нашего дома пролетел, даже не глянув на меня, Сашка в распахнутом халате! Потом, минуты через две, пронёсся галопом конь с гремевшей телегой! Сколько они потеряли по дороге дровишек, я не знаю, но телега была нагружена даже не наполовину. Васька ненамного отстал от своего коня, но пробежал он мимо меня тогда, когда Сашка уже заканчивал сбрасывать с телеги длинные стволы сухих дубков.

А марфушкин крик уже слышался недалеко у околицы! Орала так взахлёб на всю округу, как будто она с успехом отбивалась дрекольем от стаи напавших на неё волков! Вот сатана! Это ж тишины на хуторе сегодня не жди! Ну, с Васькой всё было и так ясно, а вот куда будет прятаться Сашка? Ведь у них даже забора нет, не то, что погребя!

Уже и тёща моя вернулась с огорода, и я последний лист шифера заканчивал прибивать, и на улице стало потихоньку темнеть, а во дворе у Марфушки, страсти только набирали обороты. Крик стоял – мама не горюй!

Мать, привыкшая к таким концертам у соседей, чем-то была занята дома, наверное, хлопотала у себя на кухне, а я, наслушавшись всех страстей на Васькину голову, убрав инструменты в сарай и приняв тёплый душ, собрался пойти посмотреть на то небольшое, что осталось от Сашки, но мать позвала меня вечером.

Дома пахло вкусной жареной рыбой! Аромат по хате витал такой – не передать словами!

– Ма-ма, а где это вы свежую рыбу достали? Неужели сами стали рыбачить на озере?

– Да какой из меня рыбак? Это всё ребяташки наши, из соседнего села, наловят карпа в сельском пруду, а продавать бегают к нам, иначе у себя им уши окончательно оборвут. А так и нам хорошо, и они с прибытком – лески, крючки и удочки крутые покупают какие-то.

– А чего же у себя в селе не продают?

– Так на них санкции наложили! Они, теперь только стоя и едят и рыбачат!

– Што ж так? – удивился я только от одного слова «санкции» добравшегося и до села.

– Так ведь чё эти окаянные удумали!?! Они все как один, решили стать тореадорами! Понаделали себе саблей мушкетёрских, маски чёрные на лица, плащи, косынками красными головы себе пообвязали, ну всё как полагается этим артистам, и пошли на луг к пасущимся коровам. Что там они из себя представляли перед бурёнками, я не знаю, но только от этого представления наших артистов, погналось за ними всё стадо, во главе с быком. Ребяшня прямоком на озеро, а там городские рыбаки спокойно сидят, умильно уставившись на свои поплавки, ну наша рогатая кавалерия всех и загнала в воду – и наших тореадоров и приезжих рыбаков. Один, правда, самый толстый и умный, на столб с перепуга заскочил до самых проводов – висит там, обхватив столб руками и ногами, и орёт, и не понятно – то ли боится, что сползёт прямо на рога быку, то ли током его там бьёт. Наши мужики потом еле руки его от столба оторвали. Да лучше бы и не трогали его: оказавшись на земле, он так топал ногами и визжал на наших мужиков, что всю землю вокруг столба утрамбовал. Мужики уже хотели быка назад привести, чтобы его успокоить! Ох, и влетело тогда пацанам – всем селом драли, кому уши, а кому и задницу. А это, что за такие «крутые» удочки?

– Ну, это очень клеевые и обалденные!

– Это что? На них рыба хорошо клюёт?

– Сами ведь видите, каких больших карпов они таскают! Значит, клёвые! А вы что так плохо кушаете?

– Да сколько можно? Я на него уже смотреть не могу – всю неделю и так одним карпом только и питаюсь! Сначала он был в охотку, а теперь, всё! Больше не могу! Это я для тебя приготовила! Чайку, вот, попью на ночь, и мне хватит! А то наш петух, ни свет ни заря, поднимет!

По хуторским меркам, утреннее солнышко уже давно в окна нашего дома заглядывает, наверное, ищет, куда это я подевался и пернатый будильник, торопясь за ним, поднял меня, как всегда, рано, но всё равно моя тёща встала ещё раньше петуха. На столе уже стояла крынка парного молока от соседской коровы, которая была кормилицей доброй половины городских внуков хуторских бабушек. Молоко у неё очень вкусное, прямо бархатное, пьёшь его – и пить хочется, чего не скажешь о молоке марфушкиной коровы, по незнанию купленном мною у этой жадной и оборотистой чумы. А оно оказалось разбавленным, да ещё и крепко пахнущим навозом.

Умывшись во дворе из рукомойника колодезной водой, налитой всё успевающей сделать тёщей, и вернувшись в избу, я сел за стол, поближе к крынке молока с хорошим ломтем домашнего хлеба, с хрустящей корочкой, выпеченным в русской печи, мягкого и душистого, пахнувшего свежестью и, наверное, степью. Его ещё ешь, а глаза уже ищут кухонный ножик, чтобы отхватить новую краюху, но ножа на столе нет, а ломать хлеб руками мы уже давно разучились.

Поблагодарив тёщу за вкусный завтрак, я, взяв отбитую и наведённую оселком острее опасной бритвы косу, чтобы пойти и выкосить тёщин участок в конце огорода, заросший клевером. Открыв калитку, я с опаской выглянул на улицу – не проснулся ли ещё эта вражина,

соседский круторогий баран. Но нет! Марфушкин бандит с закрученными рогами, лопухий, с афрошерстной раскраской по кличке Обама, уже стоял перед своей любимой картиной – нашими воротами, наострив уши на открывающуюся калитку. Почему его назвали Обамой, мне было непонятно, но баран – он и в Африке баран. А ведь можно же было назвать его и Барашем, или, в крайнем случае Бараком, или дать ему ещё с десяток других красивых имён, но нет же – назвали Обамой! Ну, всё по-русски! Если любят, то от всей души!

От греха подальше, я тихо прикрыл калитку на крючок и не успел от неё и шагу ступить, как эта твердолобая зараза врезалась в неё рогами со всей дури, так, что чуть не выломала запор из гнезда. Чтобы как-то успокоить своё уязвлённое самолюбие и ответить на эту наглую агрессию хуторского террориста, давно решившего, что весь хутор принадлежит только ему и его овцам, и только он здесь определяет: вправе ты что-то делать или нет даже у своих ворот, ведь и здесь росшая трава, по его мнению, тоже была собственностью его стада.

От нахлынувшей на меня злости, я, прислонив косу к забору и не найдя под рукой ничего подходящего, схватил подвернувшийся под руку тазик, в каком мать моет свою грязную обувь по осени и, выскочив на улицу, от всей души два раза приложил им по рогам нахала, нагло стоявшего у наших ворот в ожидании повторного моего выхода. Грохот от тазика был, конечно, очень большой для раннего утра и слышал его весь хутор. Да ещё в придачу, этот перепуганный баран вынес своим лбом Марфушкину калитку довольно громко, и чтобы не связываться ещё и с его дурной хозяйкой, мне пришлось скоренько пойти по соседскому участку, заросшему сплошным частоколом чернослива вокруг покосившегося старого дома, без вины покинутого и от этого как будто стыдливо спрятавшегося за ним от людских глаз, заброшенного лет пятнадцать назад за ненадобностью наследниками.

Со временем, хозяйственные хуторяне, потихоньку растащили здесь то, что уже было давным-давно брошено до них. Но куркульская жилка подсказывала им, что именно вот эта ржавая железяка когда-то будет очень нужна в хозяйстве на их дворе, и уже в свою очередь будет и там валяться, и захламлять, и без того захламлённые его задворки. Оставшиеся в доме оконные стёкла, с большим удовольствием повышибали городские пацаны, отводя душу на свободе в деревне у своей бабушке, куда их отправили на все каникулы обрадованные родители в глубоком убеждении, что бабушке с ними будет намного легче и веселее. А осенние дожди и годами набивающийся через разбитые окна снег в избу, довершали её разрушение.

Хороший был когда-то этот хутор, живой! Да пролетело всё, и жизнь промчалась, как облака по небу гонимые ветром. Старики до сих пор вспоминают те времена с улыбкой на морщинистых лицах. Тогда они были молоды, строились, растили детей и мечтали, что будут растить и внуков. От детских голосов, летом, воздух на хуторской улице звенел, да поразъехались все. Сыновья и дочери подросли и подались из деревни в город в поисках лучшей жизни – ни парней сейчас в деревне, ни девок, ни самих деревень скоро не будет. Люди потихоньку уезжали, а оставшиеся, провожали своих соседей, ещё не веря, что они уезжают навсегда, и бывшие соседи, пряча глаза, просили приглядывать за брошенным домом – вдруг придётся вернуться, но не вернулись никто. С каждым новым умершим стариком и старухой, хутор всё больше пустел и зарастал чертополохом, крапивой и полынью. Попервой бывшие односельчане ещё навещались на родительский день на сельское кладбище, куда после их отъезда слеталось вороньё, с карканьем поедая на могилах остатки еды оставленной гостями. А потом и они стали появляться всё реже и реже. Остались только те, кому некуда было ехать, да и не к кому, а кто и не хотел уже ни куда уезжать из насиженного места. В повседневных хлопотах, дни у них шли за днями, незаметно складываясь в недели, а недели в месяцы. Зачем им нужны были какие-то перемены в жизни, если они и так хорошо знали, что как только отзвонит жаркое лето, наступит щедрая осень, отскулит в печной трубе долгая зима – и вновь, стаяв снег, придёт весна с её заботами о новой жизни. Так что жизнь на хуторе шла своим чередом.

С трудом продираясь сквозь заброшенный и заросший соседский участок, я уже прикидывал, с какого края начал бы его вырубать – уж очень мне надоело это запустение. Утренняя свежесть приятно взбадривала всё тело, настраивая на то, что после покоса надо приниматься ещё и за рытьё выгребной ямы для нового туалета.

Мои планы на целый день, были прерваны взрывом какой-то чёрной массы в метре от меня, взметнувшейся и умчавшейся в ближайшие заросли кукурузного поля. Если бы сам не увидел, то никогда бы не поверил, что дикий кабан, мог устроить себе лежку на ночь в тридцати метрах от соседской овчарки. А ведь я и раньше обращал внимание на этот заброшенный участок сада с удивительно мягкой и высокой травой, похожей на степной ковыль, уложенной в виде помятой постели. Но и подумать не мог, что это место мог себе выбрать на ночёвку огромный секач рядом с жильём человека. Здорово испугал меня, но и сам испугался.

Но какая сила и мощь у этого зверя! Попадись такому разъярённому зверю человек на его пути, то он своими клыками так вспашет ему рёбра – ни один святой уже не поможет.

Под впечатлением удивительной и необычной встречи, большой участок клевера был незаметно выкошен очень быстро и даже как-то легко для городского жителя, только свист стоял по траве. Спасибо за эту науку надо сказать местному хуторянину, когда-то научившего меня как правильно держать в руках косовище, долго перед этим наблюдавший за моими стараниями срезать хотя бы одну травинку. Как болело в тот день всё моё тело, знает только тот, кто сам учился косить траву по самоучителю.

Наскоро перекусив куском варёной курятины, я часа за три выкопал приличной глубины яму, а с постройкой этого хуторского шедевра, провозился до позднего вечера. Но туалет получился хороший. Очень устал на этой жаре, даже забыл рассказать матери об удивительной встрече с диким кабаном. А вечером, за тихим разговором о скором приезде из отпуска моей жены с внуками, гостивших у моих родителей на Урале, тёща предложила мне закоптить со специями двух домашних кур.

– Приедешь домой, положи в холодильник, а когда приедут наши, разогреете в духовке или в микроволновке. Вам и хватит надолго, – добрым и счастливым голосом сказала мать, довольная, что угодила зятю, – да и внуки сразу вспомнят о своей бабушке. Да и на рынке мясо дорогое, так что вы не покупайте. Я договорилась с Никифором, они сегодня свинью зарезали, и обещали продать.

– Да уж, о своих бабушках они хорошо помнят только тогда, когда им что-то позарез нужно. У них даже свой девиз есть: «Если мама запрещает, проси у бабушки!» А вот за мясо спасибо Вам, – обрадовано говорю я, – а то мои мальчишки просили поехать с ними на рыбалку, где заодно и шашлыки сделаем на природе, да и уху наваристую в котелке сварим, если карпа в магазине купим. Да хотя бы позагорают на природе, а то белые ходят – так и лето пройдёт.

– Так вы что, на выходные не приедете? – озабоченным голосом спросила она.

– Да нет, мам, они обещались приехать к следующим выходным, а с завтрашнего дня у меня отпуск, так что не бойтесь, к зиме мы успеем подготовиться. Лучше бы Вы к нам на зиму переехали. Вам ведь тяжело одной дома всё делать в одни руки, да и нам спокойнее было бы, – в который раз завожу я разговор, заранее зная его ответ.

– А чего мне плохо? Телефон у меня есть – кнопку нажала и все ваши новости сразу знаю. Уголь на зиму привезут. Всяких круп у меня полно, ещё с той зимы остались, ну кое-что докупить к ним надо – муки пару мешков, сахар, чай, кофе банок пять, а вот маринованной селёдки надо бы побольше, я её в погреб снесу. Про дрожжи не забудь, спички, лампочки будут нужны, подсолнечное масло, перец в горошке, лавровый лист, соли много, да чего я тебе перечисляю – сам всё знаешь. Да, банки не забудь вернуть, а то вам что ни дай – что выкинуть. На зависть всех хуторян, я тебя не устаю благодарить за ящик для засолки сала. Такой вкусноты

я за всю жизнь не ела. Домой кусок не забудь взять. Послушай, зятёк, давай-ка по стопочке выпьем моего фирменного, под яичницу, на этот раз я его на меду сделала.

И сразу захлопали по дому двери, дверки и ящики кухонного шкафа, зашкварчала на плите яичница, распространяя по всему дому божественный запах со сковороды, смешиваясь с щекочущим ноздри запахом бочковых огурчиков и свежей зелени с огорода для нехитрого сельского ужина. Откуда-то прибежала Мурка, учуяв запах жареной яичницы – знает, хитрюга, что её угостят кусочком сала.

– Мама, а почему вы не пользуетесь новой сковородой, что я вам давно привёз? Уж больно эта вся какая-то старая и закопченная.

– Не-ет, с этой сковородой я не расстанусь! Она ещё у моей мамы была. Ей лет восемьдесят будет, если не больше. На ней что картошечка жареная, что блинчики или яичница получаются вкуснее, чем на новой. Такое впечатление, что у неё душа есть... Как её выбросишь?

– Присаживайся ближе к столу, сынок, нарежь сало, хлеб, да наливай по рюмочкам, – и сама, вытерев руки о передник, присела, оглядывая стол, как бы проверяя, всё ли она выставила.

Так под ленивый брёх соседского пса за окном, честно обрабатывающего свой хлеб, и похрустывая перчёным огурчиком, не уступающим по крепости тёщиному самогону, и проходила наша тихая вечеря. А сало и вправду получилось на славу – прямо во рту тает, шкурка опалена соломой, мягкая, а само сало в меру солёное, с перчиком, чесночком и специями, но главное – где оно хранилось! Удачно я подсмотрел у итальянцев секрет засолки сала. Молодцы итальянцы!

– Мама, а Вы никому не показывали наш секрет засолки сала?

– Нет, что ты, такое сало получилось вкусное – на зависть всем нашим хуторянам! Никифорыч, чего за полцены нам мясо продаёт – выпросил у меня половину ящика, чтобы я его сало тоже там хранила, а сам-то ящик ему я не показывала, – с убеждённой хитрою подпольщика ответила она. – Я и так у наших хуторян каждый день на языке за построенный тобой душ в саду. Ведь всю жизнь в тазике мылись и сейчас моются. А как хорошо с прополки зайти в душ, чтобы смыть пот и освежиться под тёплой водичкой, как будто сил прибавляется, а особенно вечером от такого удовольствия, да под тёплым душем, прямо повизгивать охоту от блаженства. Спасибо тебе, зятёк, – у неё аж морщинки разгладились, и лицо стало моложе.

Баньку бы сделать в огромных сенях дома, ведь всё равно пустуют, так, хлам разных годами лежит, с места на место перекаладываемый. И вроде бы всё под рукой, а что-то нужное – раз в году понадобится. Да и колодец ведь есть рядом с домом уже с глубинным насосом. Надо над этим подумать и заготовить за зиму стройматериал, а на следующее лето нужно приступить строить баньку в сенях.

Пужинали. За разговором мы как-то незаметно очистили от яичницы всю сковороду и решили, что чай с клубничным вареньем будет не лишним. Чай она заваривала всегда в большой кружке, накрыв блюдцем, а потом процеживала его через маленькое ситечко – почему-то она не любила заварники и никогда ими не пользовалась. Перемыв посуду, мать собралась и ушла на свои обязательные хуторские посиделки, больше смахивающие на КВН, только без неизменного ведущего – здесь все они были ведущие, режиссёры, капитаны и осветители хуторской жизни, какая была у них как на ладони.

Перед сном надо бы сходить к своему соседу-пасечнику, спокойному и основательному мужику, который умеет в двух-трёх словах рассказать длинную историю, попыхивая своей «козьей ножкой» с душистым самосадом.

Летний вечер выдался просто на загляденье. С юга налетел лёгкий, живительный ветерок, разогнавший сгустившуюся было к полудню удушливую жару, освежая хуторок своей прохладой. Открыв калитку, ведущую в сад соседа, я увидел Степаныча, сидящего у стенки сарая на скамейке, вырубленной из толстого ствола дикой груши.

– Присаживайся, – почти шёпотом сказал сосед, похлопав ладонью по скамейке, как всегда с неизменной своей «козьею ножкой» во рту, без которой я вроде бы его и не видел никогда. Но выращивать свой табак он умел, и запах от его самокрутки был очень приятный, ничем не хуже ароматических палочек. И курил он как-то красиво – дым медленно, маленькими облачками уплывал от нас в темноту сада, где и запутывался в ветвях яблонь. Я присел на край скамейки, и вдруг рядом, у моей ноги, что-то громко, с каким-то металлическим шелестом резко зашуршало, да так для меня неожиданно, что я тут же вскочил на ноги.

– Ёк макарёк! Что это там такое у тебя?

– А ты загляни в ведро, – с тихим смешком сказал сосед, показывая рукой на стоявшее рядом со скамейкой ведро, на какое я даже не обратил внимание, когда садился рядом. А в ведре были всего лишь четыре мирных ёжика.

– И зачем ты их наловил, ведь это безобидные ёжики! Разве можно их обижать? – в моей груди шевельнулось нехорошее чувство к соседу, которого я всегда уважал.

– А ты присядь и сиди тихо, вот и увидишь всё сам, – с хитринкой в голосе, довольный, что я не знаю того, что для него было очевидным, сказал Степаныч, похлопывая ладошкой по своей скамейке.

Недоумевая, что ждёт меня дальше, я присел и минут через пять, вдруг заметил в опускающихся сумерках движущийся тёмный комочек, напрямик к летку ближнего к нам улья. Оказывается, этот маленький хитрец пришёл лакомиться пчёлами – залез по летку к входу в улей и стал в него дуть. Потревоженные охранники вылезли, чтобы узнать причину тревоги и тут же попали на язык маленькой лакомки.

– И что ты с ними собираешься делать? – спрашиваю я его с тревогой за жизни зверьков.

– Да ничего! Вывезу за хутор и где-нибудь выпущу, – довольный, что очень удивил меня, со смехом ответил сосед, – этот ёжик последний, я их каждый вечер по пять штук отвожу, а они каждый вечер возвращаются лакомиться пчёлами, – по-детски радуясь, поведал мне наш зверолов, о чём я даже не догадывался. – Вот такая война у меня с ними каждый вечер.

А вечер был и правда на славу тёплый и тихий, даже вездесущих комаров пока ещё не было, которые прогнали бы в избу, нахально налетая и ища любой открытый участок тела, чтобы насытиться твоей кровью и продолжить свой род. Ненавижу комаров – чешешься потом, как чесоточный, и чем дольше, тем больше их ненавидишь.

Так мы и просидели с ним, тихо разговаривая о тёплом лете, об ожидаемом большом урожае яблок и слив, о политике и мёде, пока не стал виден только огонёк «козьею ножки», вспыхивающий в полной темноте в руках соседа.

– Ладно, Степаныч, пойду я уже домой, а то совсем темно стало, спокойной ночи тебе, и спасибо за ёжиков. Я, честное слово, не знал, что они такие лакомки. Ты меня очень удивил, ведь ёжик – страшный эгоист, и насколько я знаю, захватив в своё пользование достаточно солидный участок в два-три гектара, он будет безжалостно пресекать любые попытки своих собратьев селиться с ним рядом. И войну он ведёт до победного конца, – пожав на прощание руку доброму соседу, я пошёл домой практически в полной темноте.

Мне было совершенно непонятно, как можно было прожить всю свою жизнь в одном месте, ходить по одной улочке в кромешных потёмках и не повесить на столбе хотя бы одну на всех живущих на этой улочке хуторян лампочку? И пришёл к верному выводу – если я куплю и повешу лампочку, то светом будут пользоваться на халяву и мои соседи! Ну, нет уж, лучше будем ходить все по потёмкам!

Закрыв калитку на запор и подойдя в темноте по дорожке к дому, я осторожно нашарил ногой ступеньки веранды, зная, что где-то рядом должно стоять пустое ведро, которое мог ненароком зацепить ногой и поднять тарарам на весь хутор. Но всё обошлось, и, открыв дверь в дом, я услышал тихое похрапывание спящей матери. Чтобы её не разбудить ненароком, а если быть честнее, то с посторонними звуками в доме мне придётся долго засыпать, я, нашарив

в темноте дверцу комода, достал пачку салфеток, чтобы из мягкой бумаги сделать себе в уши пробки – полная тишина на всю ночь мне была обеспечена.

Утром даже петух не кукарекал – проспал-таки, паршивец! Ещё бы! Летнее утро было как подарок свыше: ласковое и тихое. Двор меня встретил тёплым солнышком и полнейшей тишиной, что никак не походило на бурную жизнь нашего хуторского Вавилона, строго разделённого своими жильцами по своим территориям, когда переходить невидимые границы, установленные ими же, никому не дозволялось, кроме хозяйки. Но, что интересно, за всем порядком во дворе и распределением корма (а то, не дай бог, кто-то переест), следит, поселившаяся во дворе обыкновенная ворона. И если она решит, что куры уже наелись, то они немедленно отгоняются от кормушки, и их место занимают ждущие утки, а ворона уже сидит на своём любимом месте, в старой фетровой шляпе, прибитой под козырьком крыши, и как-то по-своему отмеряет потребление корма очередным пернатым семейством. И уже совсем было мне непонятно, как с этим узурпаторством наглой вороны мирятся гуси уже второй год? А она ненадолго улетит куда-то по своим вороньим делам и опять возвращается регулировать во дворе жизнь пернатых, и даже кошка с опаской посматривает на неё, стараясь меньше попадаться вороне на глаза...

Кто-то дёрнул меня за руку, и обернувшись, я сразу вспомнил о своих чудо-заглушках в ушах.

– Говорю, говорю тебе, а ты как глухой! С тобой всё в порядке? – заглядывая в глаза, озабоченно спросила мать моей жены, жаворонок по жизни и кормилица своих внуков до их пенсии.

– Всё нормально, мама, просто мыши всю ночь скреблись и пищали, свадьба у них, что ли, была. Кошку надо в дом на ночь приглашать, – соврал я с лёту, вытаскивая из ушей самодельные пробки, – а Вы уже и кур приготовили? – и показываю на две лежащие на столике, уже общипанные, упитанные куриные тушки.

Но тёща, не обращая внимания на мою похвалу, развивает уже свою тему о кошках:

– Точно, надо ещё одну кошку завести, а то эта только на зиму в дом заходит. Где её только не встретишь – все поля прочешет. Наверное, это всё из-за нашей вороны! А ведь осенью мышей с полей набегит – видимо-невидимо! Это же сколько они вреда наделают! Да и поговорить и погонять вечерами будет кого... Тебе бы в деревне надо жить, а ты в городе прозябаешь! Давай, разжигай свою коптильню, а я пока тушки специями, да маслом натру.

Где есть фруктовые деревья, там и опилки от них найдутся. Уж что-что, а опилок из-под пилы хватит на двадцать кур. Натёртые солью, чесноком и чёрным перцем, с базиликом и красным луком, обмазанные деревенским растительным маслом тушки смотрелись на утреннем солнце очень красиво. Растопив коптильню и отрегулировав в ней тягу, я пошёл навешивать двери на туалет, по красоте и исполнению не уступающий Эрмитажу, за что и получил всеобщее восхищение в лице моей тёщи:

– Умница ты моя, такую красоту сделал! Теперь хоть Галка домой торопиться не будет! А то дует ей! – тёща явно была довольна. – Переезжайте в село, домов вон, сколько стоит – выбирай любой! А то понаедут басурмане – ишаки спать ночью не дадут! Ты рукастый у нас, любой дом восстановишь, в хозяйстве коровёнку заведёте, детям козье молоко тоже полезно. Гусей штук двадцать, курей с полсотни, накормил их утречком и спи – отдыхай, ну, дров из лесу привёз, напиллил-наколел и опять спи-отдыхай, – убеждала меня тёща в лёгкости крестьянской жизни на хуторе.

– Ну, какой из меня, к чёрту, крестьянин, если я пырей от порея отличить не могу, ну Вы сами подумайте! А вдруг корова опоросится, где я ей буду акушерку искать или коза понесёт?! Нет, мать, это не по мне! Этой науке крестьяне всю жизнь учатся! А я всю жизнь в городе прожил.

– Что ты говоришь?! Корова у него опоросится, вот, прости господи, турок! – возмутившись, всплеснула она руками, – это же всем понятно, корова не поросится, а ко-тит-ся! – и замолчала, обдумывая, что же она сказала. Плюнула и пошла проверять, как копятся куры.

Посмеявшись про себя над промахом тёщи в её неудавшейся вербовке зятя в «нового крестьянина», я отправился делать то, в чём разбирался гораздо лучше, чем принимать окот у коровы. Давно у меня было желание очистить пустующий соседский участок, брошенный и заросший крапивой и частоколом чернослива, который не давал нормально жить и дышать трём прекрасным яблоням. Но мало вырубить, нужно было вырубить так, чтобы не осталось пеньков на участке, а это, поверьте, очень трудно. В шесть-семь метров высотой срубленный ствол с листвой на самой макушке надо ещё проташить по зарослям тёрна и крапивы. В общем – мама не горюй! И если бы не гуцульский топор на длинном топорнице, купленный по случаю, то спина бы точно треснула. Но и с наточенным топором, закалённым в масле и доведённым лезвием до остроты бритвы, я смог вырубить эти дебри только наполовину. За однообразной работой как-то незаметно пролетел день, и пришла пора собираться домой.

Приняв душ, я с удивлением увидел, что багажник машины открыт и там стоит громадная сумка, уже явно чем-то наполненная под завязку, рядом стояла большая кастрюля с привязанной к её ручкам крышкой, чтоб не тарахтела в дороге. Блестела на солнце связка начищенных шампуров и выглядывала пузатая авоська с первыми яблоками белого налива.

– Мама, ну что Вы опять мне так много всего положили?! Жена только через неделю приезжает, а за это время половина продуктов пропадёт.

– Не пропадёт! А если и пропадёт что, то выкинешь! Это я говорю о петрушке и разной зелени с огорода, и о яблоках. А положила всего по чуть-чуть: куры копчёные, твоих любимых пресных лепёшек напекла стопку, банку самогона на зиму – уж больно хороший получился, шматок сала солёного и немного копчёного, кусок свежей свинины, пирожки детям напекла с ливером, в кастрюле мясо маринуется на шашлыки – может быть, наши раньше приедут, так вы вечером шашлыками побалуетесь у костра. Тебе огурцы бочковые с погребка положить? – с улыбкой спросила она.

Знает ведь, что это деликатес для меня, но спрашивает больше для своего удовольствия.

– Вы ещё спрашиваете, обязательно положите!

Сходив в погреб, мать принесла полный пакет ядрёных огурцов и бидончик бочковых помидоров, резких и очень вкусных. Всё принесённое она опять стала укладывать и перекладывать, чтобы в дороге не перевернулось и не растряслось, при этом не забывая говорить:

– Сильно устал, небось, ведь целый день топором махал, да таскал срубленное, вон, целый штабель дров накидал – на месяц топить хватит.

– Пусть подсохнет немного, я потом что попилю, что порубаю, мелочь на растопку пойдёт, что на подвязку помидоров пригодится, – с крестьянской рассудительностью поддерживаю я разговор с ней, зная, что она любит, когда я затрагиваю тему о хуторской жизни.

– Вроде бы всё уложила. Пойдём в избу да перекусим на дорожку, а то дома, небось, пустой холодильник, один чай да бутерброды с колбасой, – тёща легонько подтолкнула меня в спину.

Мать времени зря не теряла, и пока я занимался вырубкой в брошенном саду, под негласным присмотром бдительного Марфушкиного ока, она уже успела приготовить ароматный суп с домашней лапшой и куриными потрошками.

Хорошая она хозяйка и умелая, ей бы в столичном ресторане шеф-поваром быть, что ни приготовит – пальчики оближешь. И я никогда от неё не слышал, чтобы она сказала, что она всё умеет или готовит лучше кого-нибудь другого, а если ещё узнает какой-нибудь новый кулинарный рецепт, то будет ходить как сама не своя, пока не приготовит его как надо. И дочку свою вырастила и воспитала такой же умелой хозяйкой и матерью. И бабушкой. Я никак не могу

привыкнуть к мысли, что она у меня уже стала так быстро бабушкой. Вроде бы вчера ещё бегала после занятий в институте на какие-то курсы, а сейчас уже бабушка с двумя внуками.

Я ел вкусный, красивый и сытный суп, невпопад угукая, отвечал на что-то рассказывающую, ещё не наговорившуюся мать. А сам уже думал, какой мне дорогой выехать из хутора так, чтобы сэкономить время – по раздолбанному с осени грейдеру и так до сих пор не восстановленным трём километрам дороги или поехать по хуторской, накатанной по низу широкого оврага с заросшими терновником и шиповником склонами, но сразу выходящей на асфальт, экономя мой путь домой на десять километров. Вот только уезжать мне совершенно не хотелось. И вроде бы в городе всё есть – и асфальт, и сверкающие неонами магазины, и красиво одетые люди, комфорт и развлечения на любой возраст. А тут – отсутствие всяких удобств и простота нравов, дорога в навозных лепёшках и одежда селян «кто во что горазд», мычащие коровы и поющие по утрам петухи, скандальная Марфушка и комары. Но здесь я чувствовал всегда себя свободным и молодым. Здесь я всегда чему-то радовался и удивлялся, и даже уставшим, был счастливым.

Вот в таком бермудском треугольнике и лежал в низинке маленький, дворов на двадцать, хуторок. Здесь тихо текла жизнь. Оставшийся народ, как и раньше, сажал для себя и своих городских детей картошку и сеял, кому-то надо по хозяйству, косил назиму сено, собирал по осени урожай и рубил сушняк в лесу на дрова. Летом нередко гремели на весь хутор свадьбы городских внуков и внучек, ездили на смотрины, плясали на помолвках и крестинах и, как положено, плакали на похоронах. Порой дружно брались за вилы и колы, отстаивая вместе со своим большим соседским селом, своё рукотворное озеро от ретивых городских рыболовов. А в общем, жили здесь тихо и мирно, как в сказке.

– Всё, мама, большое вам спасибо! Очень было вкусно, и я наелся. Поеду, а то надо овраг проскочить, пока видно немного, – заторопился я, прощаясь с ней.

– Ну, езжай с богом, а то что-то тучки набежали, да и громыхает где-то. Хоть бы дождь уже пошёл, а то земля совсем сухая стала, вся растрескалась – дождь, край нужен! Ой, постой! Совсем забыла! Ты там, в городе, зашёл бы в этот чёртов «Мегафон» и узнал у них про моего мужа, которого я десять лет назад схоронила.

– А причём здесь «Мегафон» и ваш муж?

– Так эти умники постоянно присылают мне сообщения о том, что они могут проследить все его передвижения! Все нервы мне уже истрепали! И звонят, и звонят! Как только он куда-то собрался, они сразу звонят. Только куда это он там может шастать, зараза?! И главное, к кому там бегать? Вокруг его одни бабки лежат! Странно! За ним раньше такого не замечалось! А сейчас как с цепи сорвался! Наверное, его могилку мне нужно святой водой полить! Обязательно, зятёк, узнай про него! Да смотри не забудь! Ну вот, теперь, кажется, всё! Привет нашим передавай, скажи, бабушка ждёт всех в гости, – говорила она уже мне в спину.

Глава 1

Открыв ворота и помахав рукой обеспокоенной тёще частыми загулами давно умершего мужа, я выехал из хутора уже на подфарниках. Дорога была хорошо накатанная хуторянами и приезжающими родственниками у кого были свои машины, а то, что впереди мне предстояло преодолеть крутой подъём, я не боялся, имея такой хороший внедорожник. Мимоходом проверил свет фар и не удержался опробовать установленные на крыше машины, больше для крутизны, чем для надобности, добавочные четыре прожектора, но решив, что на подфарниках ещё хорошо было видно, всё выключил. Приятно было чувствовать под колёсами автомобиля накатанную землю, а не асфальт, и спокойно ехать без ослепляющего света фар встречной машины, за рулём которой сидит абсолютный баран, не переключающий свет дальних фар на ближний в своей машине, то ли от своей крутизны, то ли от забывчивости. Включённый автомобильный приёмник на всех волнах издавал какие-то повизгивания и улюлюканье, чего раньше не было, и пришлось поставить свой любимый диск с лёгкой музыкой. В открытое окно машины приятно задувал степной ветерок, густо пахнувший скошенными травами и землёй за день прогретой солнцем, и почему-то озоном, предвестником сильной грозы, которая могла быть ещё где-то далеко, но уже кое-когда освещала неоновым светом ближние тучки. Меня это пока не волновало, ведь чтобы выехать на асфальт, мне и десяти минут хватит, а на трассе дождь меня точно не догонит и мыть машину по приезде домой не будет надобности.

Я спокойно ехал по нашему хуторскому тракту, петляющему по низу широкого оврага, устало думая о проделанной за эти дни работе. И под тихое урчание сильного двигателя, я уже готовился не пропустить начало подъёма с выездом на асфальтированную дорогу, пока вдруг не уткнулся в какой-то плотный, как молоко, сиреневый с зеленоватыми разводами, туман. Сколько себя помню за рулём, такого тумана я нигде не видел.

В разные туманы я попадал – и в густые, и в полосатые, чередующиеся то чистой полосой дороги, то с туманом, но такого небыло. Включил ближний свет фар, затем противотуманные фары, но плотность тумана ненамного стала меньше, если ещё не хуже. Включил верхние фары, хотя прожектора вообще в таких случаях бесполезны, но я всё же включил и их, больше с психа, чем осознанно. Включенный свет верхних фар вообще создал какой-то сизомолочный тоннель с тупиком и нависающим низким потолком. Вспомнив чёрта и перебрав с выражением все знакомые нехорошие слова, я медленно ехал по пробитому фарами сырому и довольно таки прохладному туннелю с сильным запахом незнакомых цветов или каких-то тонких духов, пока капот машины не уткнулся в закрытый шлагбаум и стоящих за ним людей. Первая промелькнувшая у меня мысль была о выставленном посту охраны санэпидстанции от ящура, и знакомо прозвучавшее слово «хальт» меня несколько не насторожило, а только порадовало, что остановивший меня человек обладал здравым чувством юмора:

– Хальт! Зайне аусвайс!

Вот это дают ребята! А что, скучно, овраг со странным туманом, наступающая ночь, а здесь к ним развлечение само приехало – сам бог велел похохмить. И только сейчас я обратил внимание, что подошедший к машине человек был одет в форму немецкого солдата времён Второй мировой войны с автоматом на груди.

Но люди стояли вокруг освещённой светом фар машины, молча, как истуканы, наверное, заговорённые дразнящим запахом копчёных кур в неожиданно появившейся перед ними автомашине.

– Здорово, ребята, вы что здесь, кинофильм снимаете? – спросил я, не выходя из машины удивлённым голосом и сразу радуясь, что смогу поддержать в руках настоящий «шмайссер», если это не бутафория, – вас что, забыли забрать или по сценарию фильма вам нужны ночные съёмки?

Но они как будто ничего не слышали.

– Эй-эй, друзья, вы что, остановили меня, чтобы музыку послушать? Или вы, в этом тумане совсем отсырели, или вам больше делать нечего? Учите лучше свои роли! – я уже начал злиться, не получив от них ответа на мои вопросы.

– Кто у вас старший? Давай зови его сюда, доннер веттер! – решил я играть на их волне, чтобы влиться вместе с ними в образ так увлечённого их сценария будущего фильма.

– Ефрейтор Генрих Зимовски, – представился мне парень, не желающий выходить из своего образа солдата фюрера. Скорее всего, какой-нибудь студент иныа пединститута, решивший подработать на летних каникулах статистом, на съёмках нового художественного фильма о грандиозной битве на Курской дуге.

– Да по мне, будь ты хоть гауптманом! Вам что, больше делать нечего, как ставить здесь свой дурацкий шлагбаум? Ну-ка, открывай свои ворота, иначе пожалуюсь вашему штандартенфюреру! Студент!

– Прошу прощения, а как хорошо Вы знаете нашего штандартенфюрера?

– Сынок, ты что, с Луны свалился? Я знаю не только твоего долбаного штандартенфюрера, но и генерал-фельдмаршала Эриха фон Манштейна! И фон Брауна, о котором ты и понятия не имеешь, кто он такой! – я начал выходить из себя от тупости и ненужности ночного разговора. – В чём дело, спрашиваю, где ваше киношное начальство?

– Вас остановили потому, что Вы ехали с включёнными фарами в сторону фронта! Это грубое нарушение светомаскировки, и я, как начальник поста охраны, обязан доставить Вас в штаб нашего батальона!

После таких слов, безусловно, талантливого статиста на поприще киноискусства я ржал от всей души минуты две до слёз. Более глупого ответа в данной ситуации я никак не ожидал услышать. Может быть, так нужно было говорить по сценарию фильма и даже тоном «адыютанта его превосходительства» Юрия Михайлова Соломина, но услышать такое в глухом овраге ну никак не ожидал. Насмеявшись и вытерев слёзы, я, махнув рукой, говорю талантливому студенту:

– Ладно уж, чёрт с вами, будем считать, что вы меня уговорили. Поехали в ваш штаб или куда вас там нужно довести, а то поздно уже, а ехать мне ещё очень далеко. Да и вы уже, наверное, замёрзли в этом тумане!

Прозвучала опять на немецком языке какая-то длинно отданная команда (они что, все с иныа или приехали на съёмки фильма из Германии?) и два солдата-статиста кинулись откатывать в сторону два мотоцикла с коляской и, задрав вверх шлагбаум, остались стоять на месте, а остальные топтались у машины, явно не находя дверных ручек. Интересно, с какой такой глухомани они приехали тогда на киносъёмки, если даже не знают, как открываются двери у «БМВ»? А может быть, это такое проявление европейской вежливости, и они ждут, когда хозяин сам их пригласит?

– Садитесь уже скорей, ландскнехты «мосфильмовские»! Или вы из «Ералаша»? Только ты, со своим «карамультуком», будь поосторожнее и не порви мне сиденье, иначе я тебе быстро кое что поотрываю, – сказал я, ткнув пальцем в парня с пулемётом «МГ». И чтобы мои слова были правильно поняты этим турком – что его тогда ждёт, чиркнул пальцами по своему горлу. Надеюсь, что от этого жеста он очень испугался, иначе не смотрел бы так сердито из-под своей каски, то на меня, то на своего ефрейтора.

Но как бы там ни было, мы всё-таки тронулись и, проехав мимо двух оставленных у своих мотоциклов ребят, стали медленно подниматься в сплошном молоке по крутому подъёму, к выезду на асфальтированную дорогу. Мои пассажиры о чём-то живо стали переговариваться, то все сразу и громко, то в длинном монологе, но это не мешало мне вести машину и не потерять дорогу в этом не виденном ранее тумане.

И вдруг мы вынырнули, как из проруби, в сумерки раннего вечера, с тонкой полоской заката на горизонте, выглядывающего из-под низких туч. Что за ерунда? Развернув на асфальте машину туда, откуда мы только что выехали, я поставил её с небольшим наклоном в сторону оврага и включил все фары, какие только были в машине. Выйдя из неё, я, с удивлением заворожённого, глядел на необычайное явление природы, которое больше пугало, чем привлекало и заставляло уехать отсюда, и как можно скорее, и как можно дальше. И было от чего.

Вдалеке кое-где тускло поблескивал свет в редких домах хутора, откуда я только что выехал. Он пробивался сквозь листву деревьев за чернотой раскинувшегося оврага, созданного природой много и много веков назад, скорее всего, каким-то крупным родником, истощившегося ещё до гуннов, успевшего за это время стать пологим и зарости мелким кустарником, а не дубравами, какие наверняка здесь когда-то были. А под моими ногами медленно ворочалось стадо, по меньшей мере, каких-то диплодоков, укрытых непроницаемым одеялом плотного и необычного тумана, освещённого мощным светом фар моей машины, медленно клубясь как зарождающиеся кучевые облака, какие я видел на склонах гор Крыма и Кавказа, подолгу наблюдая за ними с интересом жителя равнин.

– Генрих, иди-ка сюда, – позвал я начинающего, но талантливого артиста театральных подмостков и глухих оврагов Черноземья. – Ты когда-нибудь в своей жизни видел такую пугающую красоту? – спросил я подошедшего парня тихим голосом, чтобы, не дай бог, не потревожить беспокойно дремлющее внизу чудовище, дышавшее и медленно ворочающееся на дне оврага. Да и отблески грозы с раскатами далёкого грома особенно меня не радовали.

Генрих долго молчал, внимательно рассматривая лениво клубящийся туман, и даже отступил на шаг, осторожно и медленно:

– Нет, никогда не видел! Странный туман, он как будто живой и даже свет сквозь него не проникает. У нас таких туманов нет, – покачав головой, тихо отвечало юное дарование кинобизнеса, и позвал остальных трёх ребят посмотреть на интересные туманы России, какие перевелись в исхоженной вдоль и поперёк Европе.

А в это время моя память перелистывала в своих кладовых страницы прочитанных книг и статьи в журналах «Наука и жизнь» в поисках ответа на хотя бы похожие случаи, когда-либо виденные людьми такого рода странные явления. И я всё-таки вспомнил об одном описании похожего случая, прочитанным лет тридцать назад в книге «Неопознанное и неизвестное», который произошёл где-то в гористой местности на побережье Турции, кажется, в Геллиполи, вблизи Дарданелльского пролива, где упоминается какое-то странное облако однородной сероватой массы густого тумана с чёткими границами. В 1915 году, во время войны Турции, со странами Антанты, люди в окопах видели, как на идущий в сторону фронта батальон английских солдат в полном вооружении, опустилось густое облако, накрыв целиком всех людей и через какое-то время, поднявшись, унесло с собой всех в сторону Болгарии. Тогда исчезли 267 человек. Вроде бы именно этот случай, и как документальный факт, был зафиксирован очевидцами и свидетелями последующих событий, какими оказались новозеландские стрелки, находившиеся на соседней сопке. После окончания войны британское правительство запросило у турецких властей сведения о пропавших солдатах. Но турки о них тоже ничего не знали.

– Послушай, дорогой, а что это твоя группа поддержки такая молчаливая? Они что, русского языка не знают или никак из образа артистов не выйдут? – не отрываясь от зрелищного тумана, спросил я, – вы все из Германии?

– Да, мы совсем недавно приехали из Германии, – однотонным голосом ответил парень и опять замолчал, во все глаза рассматривая лениво клубящийся у нас под ногами туман.

Ну и что, кого сейчас удивишь в России иностранцами?! Ведь кто только не приезжает к нам из-за своего любопытства, бизнеса и просто туристами, подработать, себя показать или вернуться на историческую родину предков. Вон, целая семья американцев с маленькими детьми, поселилась где-то в бескрайной глухомани Сибири, другая осела в Дагестане. Какой-то афри-

канский негр руководит каким-то районным центром, старoverы целыми семьями вернулись из Латинской Америки и поселились в Приморском крае, так почему бы немецким мальчишкам на своих школьных каникулах не поучаствовать в съёмках художественного фильма о прошедшей войне? И другую страну увидят, и перед девчонками покрасуются! Да они голодные, небось, как цуценята!

– Генрих! А вы, может быть, кушать хотите? – спросил я, уже насытившись видами зловещего тумана. Домой я всё равно по тёмному попаду, а русское гостеприимство, вдруг проснувшись, напомнило мне, что на Руси гостей всегда хлебосольно принимали.

– Хорошо бы покушать, а то мы уже немного проголодались, но вы не беспокойтесь, у нас есть с собой галеты, – опять, как запрограммированный зомби, проговорил мой собеседник, не отводя своих глаз от завораживающего зрелища.

– Да уж, галетами здорово наешься! Хотите, я вас угощу настоящим деликатесом, а потом отвезу, куда вам надо?

Парень что-то продолдонил своим друзьям и после недолгих прений, как мне показалось, стороны пришли к согласию. И, как сказал бы небезызвестный Горбачёв, – к консенсусу.

– Ну и молодцы! А по пути мы ещё можем прихватить в подарок вашему фюреру русскую «Катюшу». Впрочем, этот подарок будет не первый для вашего фюрера и несколько опоздал бы к его столу, так как ещё одиннадцатого октября сорок первого года в городе Мценске вашими войсками был захвачен целый дивизион целехоньких реактивных установок. Так что я не думаю, что вас наградят «Железным крестом», но может, и повезёт по сценарию фильма.

В поднявшемся галдеже, после ефрейторского перевода, я с удовлетворением отметил проявившийся большой интерес иностранной молодёжи к нашей прошлой боевой истории. Галдели долго и радостно, с похлопыванием друг друга по спине и каскам, ну и меня вежливо, этак по-барски, с часто повторяющимися словами «фатерлянд», «фатер-мутер» и какой-то «креуз», но я не помню по школьной программе этого слова, да и давно это было.

Так радостной и галдящей, кроме меня, толпой мы развернулись и направились в сторону близлежащего озера, начисто уже забыв о странном тумане и оставленных там двух «камерадах». Представляю, как обрадуются наши хуторяне на следующее утро, увидев закрытый шлагбаум и двух «дойче зольдатен» с автоматами. Но до утра о них ведь кто-то же должен вспомнить? Всё ж таки пацаны приехали из другой страны, местного языка не знают и оставить их на ночь, некормленных, в каком-то овраге – это верх разгильдяйства со стороны руководства съёмочной группы. Впрочем, я этих ребят быстрее привезу, чем о них кто-то вспомнит.

Это же надо, даже внуки немецких дедушек помнят их рассказы о «сталинских органах», а вот наших балбесов спроси о немецком «Ванюше», шестиствольном реактивном миномёте – я не думаю, чтобы кто-то сможет дать правильный ответ.

Подъехав к съезду с дороги накатанному местными и приезжими рыбаками, по которому съехать без последствий что-либо себе отодрать с мясом или что-либо себе не помять может только горбатый «запорожец» или машина типа «уазик», мы осторожно съехали с крутой насыпи дорожного полотна, и объехав по длинному серпантину заросли какого-то кустарника, остановились на пологом берегу озера с чёрной гладью воды, ставшей ещё темнее по границам света освещённой фарами нашей машины.

– Ну, вот мы и приехали. А ты, Генрих, скажи ребятам, чтобы они времени даром не теряли и побродили по берегу озера в поисках всего, что может более-менее гореть. Ведь сам подумай, что за пикник без костра?

– Но ведь здесь темно и ничего не видно! Что можно найти на ощупь? – резонно заметил он.

Пришлось развернуть два верхних боковых прожектора в разные стороны и берег озера осветился на добрые двести метров. И пока я возился с фарами, из машины вышли повеселевшие его товарищи, с явной опаской посматривающие на чёрные заросли близлежащего кустар-

ника. Постояли кружком, о чём-то между собой тихо переговорили и поперлись они, конечно, со своим оружием, которое обязательно будет мешать собирать им топливо для костра. А Генрих, со своим пулемётом, остался рядом со мной, что меня и насторожило.

– Генрих, ты, конечно, меня извини, но сам должен понимать моё опасение – всё-таки я вас подобрал не в аэропорту, а в глухом овраге, одетых в эту форму, как бы даже вооружённых и кроме тебя из вас никто не говорит по-русски. Очень странная забывчивость вашего руководства, и всё это меня настораживает. Ты бы не мог показать мне свои документы? – как можно убедительней попросил я его, тем самым высказав вроде бы правильные свои опасения.

– Это, вообще-то, нам запрещено, но тебе я могу показать, – с этими словами он протянул мне свою серенькую книжечку, и я, подойдя ближе к свету фар машины, прочёл на её обложке написанное готическим шрифтом «Вхерпа». Открываю и вижу, что документ выдан двадцать четвёртого марта сорок третьего года.

– Генрих, я всё понимаю, что эти документы вам нужны по сценарию вашего фильма, но мне нужны настоящие документы, которые выдают гражданам Германии и, наверное, с отметками пересечений вашей и нашей границы, понимаешь?

– Но это мои настоящие документы, и других нам не выдавали, – и для убедительности он ткнул указательным пальцем в свои антикварные документы, каким место только в музее.

– Ядрить тебя в дышло! Ты, что, за дурака меня держишь? И когда же ты их тогда получил? Ведь этого не может быть!

– Почему это не может? Я зимой этого года был призван в сухопутные войска Германии и прошёл полугодичную подготовку для новобранца в армейских лагерях Рейха под Гамбургом, – с этими, гордо сказанными словами, Генрих отвернулся от яркого света фар и...

Мама родная! Мне даже на миг показалось, что под проржавевшей солдатской каской был только его белый череп выбеленный временем, злобно ощерившийся на меня своими жуткого вида щербатыми зубами, а в глубине пустых глазниц явно блеснули два красных огонька... ну точь-в-точь как в давно прочитанной сказке о Бабе-яге и её избушке, окружённой частоколом с насаженными на колья черепами, зловеще горевшими по ночам.

Господи! Да что же это такое делается сегодня? Демон! Точно демон! Бежать надо, бежать, а-а-а! Даже голос пропал! Беги, беги, несчастный! И ноги не слушаются! Господи! Силы Небесные! Зачем я вчера снял со своей шеи оберег, который мне ещё мамка (земля ей пухом) в детстве повесила? Ведь и кукушка моя ещё не докуковала! Спаси и сохрани меня! Как бы отмахиваясь от комара, я быстренько перекрестился. Нет, всё, с меня на сегодня хватит нечисти! Если останусь в живых, уйду, к чертям собачим, в монастырь грехи отмаливать. Господи, да как же там, в молитве-то сказано, помоги мне вспомнить! А, вот: Отче наш на небеси, прости нам долги наши, и не введи нас в искушение прибить его нахрен... Нет, как-то не так! А как? А если эта тварь сейчас меня укусит, пока я вспоминаю? Вот тогда я точно стану зомби. Боже, что делать? Может быть мне закрыть глаза, то тогда его точно не будет! А если открою, а он вот он?! Но тогда какая разница как умирать, с закрытыми глазами или с открытыми? Я открыл глаза, нет, стоит, паразит! Если жив буду, я ему точно клизму с дохлыми ёжиками поставлю! Может быть под каской у него рога, а в сапогах копыта? Нужно не смотреть ему в глаза, иначе он может забрать мою душу Ноги сами стали предательски подкашиваться, и опять сразу появилось дикое желание прочитать какуюнибудь спасительную молитву во здравии раба Божьего, но кроме запомнившихся по детскому садiku лозунгам, что были на стене в нашей группе: «А-та-та по голой жопе поджигателям войны!», «Миру-мир – войне пиписька!» и «Пионер – всем ребятам пример!» на ум, ни чего путного не приходило. Но, кажется, и это, малое, помогло, и страшный череп, слава тебе Господи, куда-то пропал! Мне от этого сразу захотелось сбегать в ближайшую церковь и поставить самую большую свечку – а во здравии или за упокой, потом видно будет...

Нет, ну надо же такому привидеться! В этом мучительно долгом мгновении пережитого ужаса, уместилась, наверное, вся моя жизнь. Ни кому бы не поверил, что за такое короткое время можно так вспотеть. Чтоб тебе, паразиту, земляная жаба титьку дала! Чтоб тебя холера задавила! Да чтоб тебя... А может быть, этот студент меня разыгрывает так, никак не выйдя из образа немецкого солдата? Фу-у-у! Я его тогда точно за это удавлю! А может быть, я случайно уснул за рулём, и это всего лишь дурной сон?.. До жути реальный, реальный до дрожи в руках и коленках, но всё-таки сон? Сейчас я проснусь, и не будет ни каких оккупантов! Ведь мы их прибили ещё в сорок пятом! То есть, наши отцы прибили! Или у меня, всё-таки, поехала крыша от переутомления на тёщином лесоповале? Но такого не бывает и не может быть по всем законам физики и анатомии человека. С ума можно сойти!

И что же мне теперь делать с этими свалившихся откуда-то на мою голову покорителями необъятных просторов России? Как меня так угораздило? Из каких могил они повылазили, что так хорошо сохранились? И какое определение мне теперь подобрать для них, чтобы самому не шарахаться от говорящих покойников? Всё-таки до Рождества ещё как бы далеко-вато, и на деточек Фредди Крюгера они вроде бы не похожи, но всё же... Ну и балда я!! Да как я мог забыть! Перекрестить ведь эту нечисть нужно и все дела! И от того, что я быстро помахал перед ним руками – наваждение пропало! Вот что Крест Животворящий творит!

– Генрих, ты не мог бы ещё дать мне свою руку?

– Зачем тебе нужна моя рука?

– Я хочу почувствовать твой пульс!

От этих моих смелых слов, у меня даже волосы под мышкой зашевелились! И с внутренним страхом нормального человека и немалой опаской я дотронулся до его руки, ожидая почувствовать холодную плоть мертвеца, убитого семьдесят лет назад. Там-то и плоти не должно быть никакой – одни кости должны остаться, но если мои глаза не обманывают, что рядом со мной стоит нормальный человек, молодой парень, думающий и говорящий... Мои руки ощутили теплоту тела живого человека. Мистика прямо какая-то! Надо бы в зеркало его заставить посмотреть, может быть, там и отражения-то в нём нет? А заодно и на себя глянуть, а то я физически стал чувствовать как начал сесть.

– Ты случайно не помнишь, какой сейчас год?

– Чего это я не помню! Помню – 1943 год. А что?

– Да нет, ни чего! Послушай, Генрих, а в магазинной коробке пулемёта вместо патронов у тебя там, случайно, не свечи от геморроя?

Солдат молча передёрнул затвор, загнал в ствол пулемёта патрон и, отстегнув круглую патронную коробку, так же молча протянул её мне.

Мать честная, магазин был полон боевых патронов, и выглядывающий из неё первый патрон блестел в свете фар машины хищно и грозно в окружающей темноте наступающей ночи. Ёкырный бабай! Ничего себе я пикничок здесь устроил по доброте душевной! И что мне теперь с ними делать, а? Они ведь парни дисциплинированные, и как бы я не упирался, но если они решили, что я нарушил светомаскировку у них во фронтовой зоне, то значит, они меня обязательно доставят в свой штаб к начальству для разбирательства, а может, даже и в гестапо. Наверное, их надо было сразу мне отвезти прямо к порогу местной полиции! Пускай бы там разбирались! Вышел бы какой-нибудь помощник дежурного и сказал бы волшебные слова: «Гитлер капут унд хэндэ хох» и погрозил бы своим «макаровым», показав им, что он не намерен шутить с ними ни коим образом. Они, конечно, очень испугались бы и с перепуга устроили там такой тарарам, что мало не показалось бы не только помощнику дежурного, но и всему райотделу. Это тебе не наши пацаны-призывники, а солдаты, прошедшие полугодичную подготовку перед отправкой на фронт, максимально приближенную к боевым условиям войны, умеющие поддерживать своим огнём друг друга и взять, если надо, командование на себя, заменив офицера.

– Но в автоматах-то, я надеюсь, не настоящие патроны? – с последней надеждой спрашиваю его.

– Нет, тоже настоящие, по тридцать два патрона в каждом автомате и по три запасных рожка у каждого солдата, и по штык-ножу.

Мне уже совсем стало как-то очень тоскливо от такого количества патронов. Да, это были настоящие немцы, закинутые какой-то выходкой вконец свихнувшейся природы, утащившей их втихаря из-под самого носа фельдмаршала Манштейна, да так, что и они сами это не заметили семьдесят лет назад, когда заступили на свой пост у вверенного им шлагбаума, с карманами полными галет. Бред какой-то!

Вот поэтому, этот чёртов Манштейн, свою, так скрупулёзно разработанную генеральным штабом летнюю кампанию наступления на Курской дуге в сорок третьем году и проиграл, потому что ему не хватило этих четырёх солдат! Нет, ещё двое остались в том жутком тумане с мотоциклами и шлагбаумом. Вот теперь совершенно точно и я понимаю, что перетрудился на тётчиной вырубке и у меня точно начался бред съезжающей крыши. Однако, как бы я ни отмахивался от них, вот они, немцы, пришедшие на нашу землю жестокими захватчиками, каких я видел в документальных и художественных фильмах о прошедшей войне. А эти, мои, весело таскают какие-то палки и ветки для костра, смеясь и трындыча что-то на своём языке, ощутимо топя по берегу реки своими сапогами. Притащили какие-то старые ворота, приспособленные кем-то из рыбаков под помост для своей комфортной рыбалки, раздолбали их в щепки и покидали в разгорающийся костёр. А чего стесняться – мы на войне!

Пока мои ландскнехты в хорошем настроении, пойду-ка я скармливать им своих кур, так любовно закопченных руками моей тётчи, для своих любимых внуков. Это всё со мной произошло только от национального русского любопытства: «А что это там такое интересного за тем пригорочком? А чего это сегодня такой туман странный – дай-ка подъеду ближе и посмотрю!» Вот и посмотрел, на свою голову! Как бы эти воскресшие из небытия в Бухенвальд меня на лечение и правда не отправили! О-хо-хо, вот беда-то на меня свалилась! Курочек только жалко!

Отдав Генриху его солдатскую книжку и пулемётную коробку, я, вернувшись к машине, открыл багажник в надежде что-нибудь там найти, чтобы постелить на траве. Но кроме какого-то старого журнала под руки ничего не попадалось и, раздёргав его на страницы, выложил их скатертью на ещё не притоптанной рыбаками и ещё не затоптанной траве сапогами оккупантов, которые затерялись во времени и пропали без вести для своих командиров и матерей, наверняка давно уже встретившихся с богом, так и не дождавшись своих сыновей.

Тот факт, что эти арийцы вооружены и стоят на тропе войны по всем законам вбитого им в голову «Майн Кампфа», подсказал мне угостить их страшным русским оружием тройной перегонки, о котором они пока не слышали. Да и кто поймёт или осудит русскую душу, насколько открытую и гостеприимную – настолько коварную и злопамятную. И стоя перед открытым багажником моей машины с трёхлитровой банкой в руках, я никак не мог решиться: угощать их такой крепостью спиртосодержащего продукта или нет?

С одной стороны, вся моя душа требовала справедливого мщения и сопротивления ненавистным оккупантам, топчущих землю моей Родины, и даже если они сгорят в синем пламени тётчиного чудо-оружия, то туда им и дорога. А с другой стороны, травить молодые организмы, которые только нюхали семьдесят лет свои галеты, было как-то не по-человечески. Вон, у тех двоих крестоносцев, бабушки не забывали баловать своих внуков свежими оладушками, а вот до этих, задохликов, вывезенное масло из оккупированной Голландии, Франции и Украины явно не доходило, и оголодавшие за семьдесят лет у них в желудках солитёры настойчиво требовали усиленного питания.

Как бы ни было жалко, а кормить пацанов всё-таки надо, а то ещё сам Манштейн со своим штабом заявится на огонёк нашего костра.

Взяв банку на руки, как родного ребёнка, я понёс её, родимую, к уже нетерпеливо ждущим меня захватчикам, вольготно устроившихся у костра.

– Генрих, для этого мероприятия у вас найдутся кружки или стаканчики? – и показываю на банку.

– А что это такое? – отвлекаясь от оживлённого разговора со своими друзьями, которые что-то живо обсуждали у горящего костра, отогревавшего их после полувекового нахождения в сырости, Генрих подошёл и, взяв её в руки, посмотрел сквозь неё на свет костра с явным недоумением. Пришлось снять полиэтиленовую крышку и показать ему – мол, на, нюхай, паразит!

– О-о-о, камрады, шнапс!!! – и трата-та-та, что-то частя, затарахтел обладатель вождённой банки, и все сразу вскочили, стали нюхать её с профессионализмом опытного винодела, макая в неё свои пальцы и дегустируя содержимое с видом больших знатоков, прицокивая языками и кивая своими головами в железных касках.

– О-о, гут, зер гут! Рус тоже гут!

Конечно, душа моя возрадовалась, как у любого славянина, принимающего дорогих гостей, но лежащие на траве автоматы и пулемёт МГ-34 особой радости не вызывали и быстро остудили ростки гостеприимства. Поскрипев зубами и поудобней усадив на своей груди жадную жабу, я, чтобы поставить жирную точку в сервировке стола, молча отправился за копчёными курами. Честно вам скажу, ноги меня несли, но как-то не охотно, да и проснувшаяся жаба душила меня неимоверно, предчувствуя, что ей достанутся одни косточки.

С появлением вкусно пахнущих копчёностей вокруг костра начались пляски радостных бабуинов или более приближённых к цивилизованному человечеству – пляски папуасов полинезийского архипелага, которые привезли на близлежащий островок пойманного врага из соседней деревни для своего корпоративного ужина, чтобы быть подальше от глаз своих соплеменников и не делиться деликатесами с набежавшими родственниками. Сразу нашлись и стаканчики, и одна курочка честно была поделена между представителями культурной Европы. Пропустив по половинке стакана самогонки, не уступающей по крепости медицинскому спирту, отдышавшись и закусив, кто что успел схватить и что лежало к нему поближе, солдаты фюрера обстоятельно принялись за пахнущую специями курятину. «Гут и зер гут» так и витало над нашим биваком, подкреплённое крепчайшим самогоном и светом пламени костра, куда я подбрасывал что под руку попадёт, про себя чертыхаясь и давясь обильной слюной. Прозвучавшее «нох айн маль» было встречено с большим энтузиазмом и вскорости, над гладью озера, полилось широко и привольно незнакомое для местных лягушек разногололье пьяных солдат, но первым прозвучало ...:

– Дойчланд, Дойчланд, Убер аллес, унд им Ундлик нун ерст рехт...

А по мере наполнения стаканчиков, оккупанты вспомнили, что они солдаты и они умеют маршировать...

– Вен ди зольдаты, дурш ди штадт марширен, офнен ди медхен... но вскоре перешли на лирику...

– Ах, майн либе Августин, Августин, Августин...

Наверное, коренным представителям ластоногих этого озера не впервой было слышать залихватское пение задержавшихся у костра тружеников сельского хозяйства отмечавших конец уборки урожая или финал удачной рыбалки приезжих городских рыбаков, прослышавших о новом озере и наловивших, на всех, полный спичечный коробок карасей, которых, по всем поверьям рыбацкого племени, нужно было обязательно хорошо «обмыть», иначе клёв будет плохой, а рыба ещё мельче. Но вот песни над озером звучали тогда разные и в основном на знакомом для них языке ещё со времён, когда они были совсем маленькими головастиками, где пелось о лихом атамане Стеньке Разине и о брехливой половине человечества, обещавшей всю неделю что-то показать мужику, да так и не выполнила обещанного – підманула-таки, вер-

тихвостка, підвэла! В лучшем случае продвинутый рыбацк пел арию Одарки из оперы «Запорожец за Дунаем», но звучавшее сейчас пение для лягушек было не знакомо, а слова не понятны, так что ластами они не хлопали и громко не квакали.

Прозвучавшие призывы наполнять свои стаканчики были восприняты всеми с большим энтузиазмом, и одна моя курица быстро исчезла со стола. Щедрость русского гостеприимства как-то не пошла на пользу двум задохликам, и они, предоставив завершить пение национальной песни двум более достойным её представителям, сидели, подпирая друг друга своими спинами. Ну точь-в-точь как сиамские близнецы, по упущению врачей призывной комиссии признанные годными к воинской службе на Восточном фронте, в объявленной Гитлером кампании тотальной мобилизации старых резервистов и шестнадцатилетней молодёжи для нужд Вермахта в марте сорок третьего года.

Генрих долго пытался поймать меня и зафиксировать в фокусе своего зрения, и после долгих попыток это ему удалось сделать, когда его голова уже лежала на его же плече, и, с трудом удерживая меня в своём фокусе, он спросил:

– Вас фюр айн ланд! Алле зинд ройбер! Слушай, русский, а ты случайно не партизан? А то нас всех строго предупредили о том, что каждый русский является потенциальным партизаном и бандитом. И по законам военного времени их всех нужно «эршиссен», ферштейн?

– Тьфу, тьфу, тьфу! Типун тебе на язык! Да нет, успокойся, я не партизан! У меня даже в паспорте написано и стоит печать с надписью «НЕ партизан», хочешь, покажу?

Кивнув головой в знак согласия и не поняв непонятное русское «да – нет», и всё же слово «да» было ему гораздо ближе, а «партизан» ещё более понятнее и вездесущее, придвинув ближе к себе кости оставшиеся от курицы и сдвинув кобуру с массивным «парабеллумом» себе на тощий живот, но не потеряв воинской бдительности и преданности присяге фюреру, парень изрёк:

– Хотя ты и хороший партизан, но мне очень непонятный, и значит я всё равно должен доставить тебя в фельджандармерию. И тебя может спасти только обещанная тобой «Катюша», за которую наш обожаемый фюрер нации наградит нас «Железными крестами» и предоставит десятидневный отпуск на родину. Правда, Отто?

Прозвучавшее имя товарища было воспринято его обладателем как очередной сигнал наполнить свои стаканчики, и содержимое банки, уже заметно уменьшившееся, стало меньше ещё на двести грамм и солдаты, выпив, затагнули какую-то заунывную песню:

– Ich hatt' einen Kameraden,

Einen bessern findest du nicht... Дальше я слова не запомнил, да и не хотел запоминать, потому что для меня это было очень сложно, а мелодия вообще какая-то похоронная – наши мужики, вечерами на лавочке, задушевней поют. Тем не менее, пришлось прослушать весь репертуар.

– Да, ты хороший партизан, и шнапс у тебя хороший! И я даже попрошу, чтобы тебя не расстреливали. Я тебе даже скажу великую тайну: ведь ты от нас никуда не денешься, но будешь знать, что сегодня утром войскам Красной армии будет капут и мы, захватив Курск, устремимся на Москву, и войне конец! Мы вернёмся домой героями к нашим родителям, которые за нас очень сильно переживают. Майн Готт! Бедная моя бабушка!

Жителю белгородчины, который знает о кровопролитных боях на Курской дуге, и особенно под Прохоровкой, не трудно было догадаться, о каком периоде войны хотел сказать пьяный солдат.

– Ты говоришь о том приказе Гитлера, зачитанном вам вчера, 4 июля, накануне наступления?

– Ты не можешь знать об этом приказе! Его слышали только наши войска, и он сразу был уничтожен на глазах солдат! Я теперь просто обязан тебя отвезти в гестапо!

– Об этом мы поговорим потом, а сейчас, если очень хочешь, я тебе могу дословно повторить его, слушай: «Солдаты! Сегодня вы начинаете великое наступление, исход которого может иметь решающее значение для всей войны. Грандиозное наступление, которое этим утром ударит по советским армиям, должно потрясти их до самого основания» Ну что? Надеюсь, я нигде не сделал ошибки?

– Вот теперь я точно отвезу тебя в гестапо и заработаю ещё один «Крест» и звание унтер-офицера.

– Камерады, айн момент, – подняв свой палец вверх, Отто с большим трудом встал и, сделав пару шагов, зацепился носком сапога за ремешок солдатской каски и, поскользнувшись на лежащих рядом автоматах, с грохотом упал. Тут же попадали и сиамские задохлики, умудрившиеся угодить головами в прогоревшую золу костра. В поднявшемся переполохе долгожителей аномальных явлений природы, позволившем мне не спеша оторвать целиком ножку курочки с барского стола, как ни странно, первым пришёл в себя упавший Отто, сильно ударившийся лицом о затвор пулемёта. С рассечённым подбородком он ругался как-то неумело, и совсем блекло, без подобающего огонька и, на взгляд русского человека, как бы лирически и без всякого задора, одной рукой зажимая кровоточащую рану, а другой, пытаясь открыть свой цилиндрический пенал с нехитрым индивидуальным имуществом, необходимым солдату в походных условиях, которое лежало вместе с противогоазом. Это происшествие не коснулось двух спящих друзей, уткнувшихся в тёплую золу своими носами, тихо посапывавших и раздувавших её, поднимая маленькие пыльные облачка, которые оседали на недоеденные продукты. Сколько они вдохнули пепла в свои тщедушные лёгкие, я не знаю, но пока чувствовали себя вполне комфортно и не кашляли, да и Генрих не проявлял беспокойства и сидел на своей каске в позе «Мыслителя» Родена, подперев голову кулаком. О чём мог думать человек в такую тёплую ночь, можно было только предполагать, но только не о том, где они оказались и что с ними произошло, всё ещё пребывая в далёком сорок третьем году.

Серьёзно пострадавший Отто, обработав рану каким—то тюбиком размером с губную помаду, остановил кровь и, приложив кусок ваты на рану, прибинтовал её, обмотав бинт вокруг подбородка и головы, чтобы не сползала повязка. Выглядело всё это со стороны, прямо сказать, по-фронтовому солидно, и парень уже мысленно пришивал ленточку за ранение на Восточном фронте. И вся эта полувоенная обстановка не помешала мне подкрепиться, случайно припрятанными, хорошим куском окорочка с лепёшкой и сочным, мясистым помидором. На душе стало немного веселее. Но и это небольшое было прервано обоюдным сильным кашлем двух пьяных, в умат, солдат, успевших вытереть пот на своих лицах перемазанными пеплом руками и если от этого они не стали похожими на закамуфлированных командос нашего времени, то от такой красоты, любая свинья, увидев такой натюрморт, умерла бы от зависти, это точно.

А вот если я увидел бы их такими красивыми у того злополучного шлагбаума, точно бы стал креститься обеими руками поочередно. Но этих покорителей восточных земель, получивших в своё время бесплатные путёвки в туристической компании «Дранх нахт Остен» и явно nepозволительно долго задержавшихся с возвращением в свой «фатерлянд», а сейчас принявших убийственную дозу тёщиного самогона, не содержащего никаких энергетических добавок, а только натуральные продукты, можно всё-таки было простить и понять. Захмелевший Генрих что-то пытался сказать своему раненому другу на смеси русского и немецкого языка, но тот полиглотом не был, а позывы родного желудка ему были гораздо ближе. Махнув на Генриха рукой, он побрёл, шатаясь в сторону тёмного кустарника.

Из звучавшей звуковой смеси говорившего я понял, что нужно отвести этих двух херувимов к озеру, чтобы они умылись и своим видом не позорили мундир солдата Рейха. Молодец, что хоть ещё подумал о том, что этим друзьям вдруг захочется заняться плаванием, и кто-то из них будет отговаривать другого от этого необдуманного шага, и как результат – они перетопят друг друга, а я окажусь реальным виновником, и тогда Бухенвальда мне точно не избежать.

И пока я обдумывал последовательность своего непредвиденного преступления и неизбежного наказания, один из этих вэрвольфов, чтобы утолить жажду своего организма, зашёл в озеро и стал хлебать ладошкой воду прямо из него.

– Да что же ты делаешь? – я даже забыл, что он не понимает по-русски, – Эту воду пить нельзя! Она грязная! Сюда стекают стоки из деревенской свинофермы!

– Was haben Sie gesagt?

– Да я говорю: хлебай двумя руками! Двумя! Ферштейн? Сложи ладошки ковшиком, вот так, и побольше хлебай! Побольше! Паразит!

Нет, нужно вставать, а то и правда потонут, к чёртовой матери! Зачерпнув солдатской каской холодную озёрную воду и не обращая внимание на детские протесты и капризное «найн», которое чередовалось с самокритичным «швайне» и каким-то «шайзе», я всё-таки придал этим двум зольдатам более-менее божеский вид, а чтобы хоть немного их протрезвить – ещё добавил на каждую голову по одной каске воды. Подошедший Отто что-то долго и сердито бубнил двум мокрым друзьям, которые и сами были не рады своему состоянию, и от этого вяло отвечали ему вразнобой, с трудом подбирая подходящие слова для оправдания своих слабых организмов. На короткую реплику Генриха, которому тоже было бы нелегко посмотреть в глаза своему фюреру, Отто расстелил недалеко от машины плащ-палатку и перетаскал на неё разучившихся ходить друзей, при этом, не забывая каждому отмерять, как по усопшему перед дальней дорогой, короткие наставления.

От проделанной работы настроение у него не стало лучше, да и рана его беспокоила довольно сильно, и чтобы поправить как-то своё состояние, он по дружески налил себе и Генриху, а мне только и осталось, что, откинувшись на спину, любоваться усыпанным звёздами небосводом.

Где-то далеко, нет-нет да и раздавались приглушенные звуки грома, а у нас стояла чудная летняя ночь, с пением сверчков или цикад в ближайших к нам кустах. Ночное небо над головой было похоже на чёрный таз, издырявленный крупными дырками, сквозь которые светились далёкие светила с россыпью уймы мелких дырочек от мириад звёзд, посылавшие своё тепло к Земле, успевшее за такой далью остыть. Там, где берёт начало наше озеро, прокричала выпь, пронзительно и неприятно, напоминая мне о висевших черепахах на заборе, а ей ответил, наверно успокаивая её или ругая, ухающий филин. А ночь выдалась и впрямь, на редкость, звёздная. Вся гладь озера была усыпана звёздными блёсками, и только около островка, с одной стороны обросшего камышом, изредка была хвостом по воде какая-то крупная рыба, смазывая эти блёсточки. А может быть это шлёпнула хвостом по воде русалка, привлечённая песнями на берегу. В городе такой красоты не увидишь, а здесь, вдали от освещённых улиц, Млечный Путь просматривался от горизонта до горизонта с его мириадами звёзд, созвездий и галактик, которые жили своей жизнью миллиарды лет, вспыхивая, зарождаясь и умирая, рассылая свои обломки в глубины космоса, которые в свою очередь куда-то тоже летят, пока не столкнутся с какой-нибудь планетой. Кто-то видит там Полярную звезду и Большую Медведицу, а кто-то Орион и Южный Крест. Ведь и смотреть можно по-разному. Австралийские аборигены, например, когда смотрели на Млечный Путь, то видели не россыпь ярких звёзд, а черноту между звёздами, углядев в ней эму – то, что для них было ближе и понятнее. Разве их за это можно винить? А наши предки тоже поклонялись звёздам, так что? Мы стали от этого хуже? Ведь наша планета и все звёзды есть не что иное как звёздная пыль, как и все мы – творение звёзд. И судьба человечества неразрывно связана с нашей планетой.

И ведь где-то, на какой-то из этих планет, наверное, живут гуманоиды, которые по своему развитию стоят гораздо выше, чем земляне, какие ещё тысячи лет назад посещали и посещают сейчас нашу планету с туристическими визитами.

– Эй, алло, русский, ты о чём думаешь? Доннерветтер! Как бы от нас сбежать? – голос Генриха отвлек меня от познавательной астрономии и вернул к сидящей у костра пьяной действительности, жующей мою курятину.

– Чего ради я буду куда-то бежать от вас, оставив здесь новенький внедорожник? Через месяц начнутся дожди, и без моей красавицы-машины мне никак не обойтись! – дотянувшись рукой до раскиданных мелких дровишек, я подбросил их в почти догоревший костёр вместе с попавшей под руку бумагой.

– Дожди нас не волнуют! Через месяц мы будем в Москве праздновать победу! Так сказал нам наш фюрер!

– Об этом мы поговорим с тобой на трезвую голову, а сейчас ты лучше скажи, где это ты так хорошо научился говорить по-русски? За два года войны, кроме слов «матка», «млеко», «яйки» и «партизан», не каждый солдат успевал их запомнить, как укладывался под берёзовый крест, а ты не хуже меня разговариваешь, – поинтересовался я, раздувая совсем потухающий костёр.

Наш ознакомительный диалог прервал сердитым голосом подошедший к нам Отто, ничего не понимающий в нашем разговоре.

– О чём ты споришь с этим русским? Он для меня очень подозрительный! Сидит с нами спокойный, о чём-то всё время думает, нас не боится, а ты знаешь, Генрих, что нас не боятся только партизаны и диверсанты. Будь с ним осторожней! Может, он коммунист или бандит из НКВД?

Приблизительно так мне перевёл Генрих то, что тревожило его товарища. Последовала обоюдная перепалка и в наступившем затишьи, Отто опять наполнил стаканчики, по хозяйски подтянул ближе к себе ополовиненную курицу и, оторвав крылышко, занюхал им выпитый самогон.

– Послушай, камерад, ты, конечно, мой командир и больше меня знаешь, но эта тихая ночь, хорошая еда и твой сумасшедший русский на тебя пагубно действуют! Ты совсем забыл, что утром нас меняет смена, и мы ещё должны доставить этого русского к гауптману вместе с «Катюшей», – проворчал Отто, обгрызая крылышко своими крепкими зубами. Генрих на его ворчание ничего не ответил, вкратце перевёл мне его слова и молча выпил, выдохнул, как после тяжёлой ноши, и совсем по-русски занюхал самогон кусочком пресной лепёшки.

– А ведь у нас ещё больше половины банки прекрасного шнапса и только начатая вторая курица, и я не собираюсь всё это богатство тащить к нам в роту, так что заканчивай болтать с этим «унтерменхен» о разной ерунде, а то мне уже не терпится примерить новенький «Железный крест» за «Катюшу» и уехать домой в отпуск, – не унимался, сердито бубня из под своей повязки Отто.

– Подожди немного, у меня самого голова кругом идёт, то ли от шнапса, то ли от этого интересного экземпляра, но я сам должен с ним разобраться. Что-то здесь не так, а что – не пойму.

– Вот-вот, ты совсем забыл, что рано утром начнётся грандиозное наступление, и если нас не найдут на посту, то мы все быстро попадём в штрафную роту, а это сам знаешь что такое, – даже сам испугавшись своих слов, Отто сразу протрезвел.

– Успокойся, камерад, на посту остались Карл и Остин, и они объяснят, что мы повезли пленного на его же машине. Кстати, кто-нибудь из вас видел когда-нибудь такую машину? Неужели русские научились делать такие фантастические машины? Послушай, партизан, чья это машина?

– Чья-чья, моя! Я её сам купил месяц назад в автосалоне! «БМВ» называется, немецкая сборка и абсолютно новенькая!

– Нет, ну невыносимо мне слышать такой бред! Отто, послушай, что он говорит – месяц назад эту машину привезли ему из Германии! Ну, и как это тебе? Да такой машины у фюрера

нет, не то, что у Геринга! Сам подумай, у него в машине радиоприёмник, а в танках и самолётах у русских нет раций. Ты когда-нибудь видел, чтобы часы светились и показывали время цифрами, а не стрелками? А эти непонятные корбочки с кнопками – что это такое? Мне просто интересно самому во всём разобраться, что за гуся мы такого поймали! Здесь, Отто, нам светит больше чем простой солдатский «Железный крест», так что ты, Отто, заткнись, а ты, партизан, давай всё сам рассказывай, иначе еле тёпленького, но всё равно в гестапо привезём, а там шутить не будут!

Господи, дай мне силы объяснить этим неандертальцам с автоматами в руках то, что недоступно для их разума, чтобы понять, где они очутились и где мы с ними находимся или находились, там, в овраге, в каком-то временном скачке. Как им объяснить то, о чём я сам не имею ни малейшего понятия, – не только о временном сдвиге, но и о теории относительности Эйнштейна, а уж то, почему все наши планеты почему-то крутятся вокруг Солнца как привязанные и куда-то не улетают – для меня вообще абсолютная загадка. Да и для такого глубокого и обширного научного объяснения своему лекторату, у меня со знанием немецкого языка, скажем так, не очень-то и хорошо! От школьной программы только и осталось что «безухен унд безносэн», а ведь какой у нас хороший учитель был – Иван Иванович Баумбах. Царство ему небесное! Ладно, вернёмся к нашим баранам.

– Так, зольдатэн, если хотите чтобы я вам честно всё рассказал и объяснил так, чтобы вы меня поняли, а утром заполучили по «Железному кресту» и по отпуску к папам-мамам, то вы должны принять только одно моё условие!

Генрих перевёл мои слова своему другу, и тот мгновенно взорвался очередным своим недовольством:

– Ну, и какое условие может предложить этот сумасшедший русский нахал солдатам Великой Германии? Он в своём уме? Нет, камерад, я всё-таки мало сегодня выпил, если сразу его не убил, – со злом глядя на меня, солдат залпом выпил свою порцию самогона, пару раз глубоко вздохнул, и даже не дотянувшись до огурца, уткнулся Генриху в ноги и сразу захрапел. Ну что же, со всяким бывает, это тебе не «бургундское», и как у нас говорят: «Баба с возу – меньше навозу!».

Да уж, что-что, а самогон у нас по деревням умеют делать для себя из лучших сортов пшеницы, на травах и мёде – свалит любого быка, если не закусывать, да и хорошо закусывать, тоже свалит.

– Послушай, партизан, а ты точно знаешь, что сюда не забредают русские разведчики? А то мы что-то сильно расслабились – с костром у озера, курятина со специями, о каких я даже не слышал, шнапс, музыка в машине. Это же сплошной курорт, а не война!

– Успокойся, сюда они точно не забредают. Они даже дороги сюда не знают, потому что на топографических картах времён войны его ещё не было, а раз на картах озера нет, то и ходить в эту сторону разведчикам не надо, – машинально ответил я ему, зная об искусственном происхождении этого водоёма на месте глубокого и широко раскинувшегося оврага, обросший когда-то высокими деревьями и ивняком.

Если бы я знал, что черти занесут меня на эти берега, то обязательно бы захватил с собой удочки – уж больно рыбалка здесь хороша. В начале девяностых годов, хозяйственный и дальновидный местный председатель, почти на одном энтузиазме местных мужиков и с минимальными финансовыми затратами, больше в складчину, чтобы жёны меньше знали, построили прочную дамбу с простым водосбросом, перегородив ею в узком месте глубокий овраг, с заросшим могучими берёзами противоположным берегом, вычистили замуленные старые родники и за четыре года наполнили озеро водой. Зарыбили его карпом и лещом, окунь сам появился, привезли немного линя и амурского карпа, чтобы водоём травой не зарастал, и даже щука стала попадаться к радости и азарту местных рыбаков.

И появилась новая забота для селян – гонять чужих рыбаков и выслушивать претензии учителей на своих детей-школьников, вдруг ставшими заядлыми рыбаками; вечерами проверять их дневники с записями о пропущенных уроках или опозданиях на первый урок своих горе-рыболовов, все мысли которых были заняты только леской, поплавком, погодой и личным прикормленным местом. Появились в изобилии новые синяки под глазом и папин широкий ремень по вечерам. Дружные селяне не раз с вилами отстаивали своё озеро, кормившее добрую половину села, и от заезжих бандитов, и от зарившихся прибрать к своим жадным рукам областных начальников, старавшихся охмурить людей и посулами, и угрозами, но озеро до сих пор оставалось сельским.

– Эй-э-эй, русский, ты там не уснул? Отто, arschloch, Иоганн, Курт, доннерветтер, спят, как на курорте. Schweinhund! Мы же на войне – не дома! Чёрт бы вас побрал! Может быть, ты их отравил? Что ты им подсыпал? Если не добужусь, у тебя будут очень большие неприятности.

– Послушай меня и успокойся! Никто ни кого не травил – ты ведь ещё живой, просто твои пацаны немного нажрались как свиньи и закусили вкусными, но краденными у меня курицами, и их сразу разморило! Поспят пару часов – сами проснутся.

– Куры были не крадены, ты сам их нам дал и нечего обвинять нас в мародёрстве. Солдат великой Германии не опустится так низко, чтобы его могли обвинить в банальном воровстве! И с одной дохлой курицы, невозможно, как ты говоришь, нажраться четверым дойче зольдатам.

Всё-таки наш русский язык слишком сложный для иностранцев! Ну как им, баранам, объяснишь, что «жрать как свинья» – это очень много есть, а «нажраться как свинья» – это как будто и не есть вовсе?!

– Да ладно, чёрт с ними, с курами, ты мне так и не ответил, где ты так хорошо научился говорить по-русски? Если бы не твои документы и вот эти друзья, спящие вповалку, я бы подумал, что ты чистокровный русский!

– Секрета в этом никакого нет – бабушка у меня русской столбовой дворянкой была и даже преподавала русский язык и литературу в Институте благородных девиц, а когда мои родители в тысяча девятьсот девятнадцатом году переехали из Петербурга в Германию, то с самого моего рождения бабушка говорила со мной только на русском языке. Я её очень люблю за её доброту и умение побаловать чем-то вкусным, и очень скучаю. Помню все её колыбельные песни и интересные сказки, какие она мне рассказывала. Я даже успел прочитать в подлиннике «Войну и мир», – с грустью, как по давно ушедшему, тихо ответил мой собеседник.

– Да и приехали мы в Россию только неделю назад. Думали, что здесь настоящая война с бомбёжками и танками, штыковыми атаками и артиллерийскими обстрелами, а здесь тишина и покой, как в санатории. Хоть отдохнём от переезда через леса Белоруссии и Смоленщины. Бр-р-р, до сих пор ужас пробирает! Говорят, будто каждый четвёртый наш эшелон под откос летел или из леса, по вагонам с солдатами, из пулемётов так лупили, как по нашему составу.

– Угу, весёлого мало, но вас сюда никто не звал и хлеб-соли на всех не припасли. Вы попробуйте ещё выехать отсюда с комфортом в свой «фатерлянд»! Не каждому это было позволено! Но сия стезя уже не для этих спящих «зольдат», да и не для тебя тоже, вы уже давно отвоевались и давно бы уже должны встретиться со своими бабушками! – подытожил я наш разговор и как мог успокоил своего собеседника, в чём явно не преуспел.

– Как это мы отвоевались? Ты же сам только что сказал, что твой шнапс не отравлен!!! – трясущимся голосом тихо спросил меня перепуганный парень.

– Господи, кто о чём, а свекровь о снохе! Чтобы ты успокоился и не падал в обморок, дай-ка, и я себе налью стаканчик, как-никак это мой самогон. И заметь, от гаишников будем вместе отбрёхиваться, – сказал я, беря банку в руки.

Всё-таки самогон очень хороший, а изготовленный с любовью к единственному зятю умелыми руками любимой тётки, он всегда должен быть на высоте! Вот только двух куриц для пяти мужиков, двое из которых какие-то дистрофики, но с волчьим аппетитом, было явно

мало. Надо подсказать теще, чтобы она страусов завела. Но даже в таких трудных условиях слежения за делёжкой пищи, мне всё ж таки удалось припрятать свою порцию неприкосновенного запаса. Отмерив себе столько же, сколько наливали по своим стаканчикам заблудившиеся во времени солдаты бесноватого фюрера, я, под внимательным взглядом пьяных глаз Генриха, выпил и, не удержавшись, сразу крикнул от такой крепости. Всё бы ничего, но самогон успел уже нагреться, а пить его как тёплый чай – было убийственно! Главное, чтобы парень видел и успокоился, что травить их никто не собирается, а то кто его знает, что ему взбредёт на пьяную голову – автоматы вот они, рядом!

– Ох и крепкая, зараза! Вот что значит на меду сделанная, а не на курином помёте или ещё на какой-нибудь гадости типа карбида, чтобы было покрепче и позабористей.

– Это у тебя шутка такая, насчёт куриного помёта?

– Да какая там шутка, серьёзно говорю! Для крепости всё сойдёт.

Успокоившись, что ему достался качественный шнапс, а не отходы пищеварения домашних несушек, парень опять над чем-то задумался, свесив на грудь голову. А может, его уже стало клонить ко сну после выпитого, но на своей каске он пока сидел устойчиво и даже услышал сильный всплеск далеко на середине озера, хорошо видимый на ночной глади воды, освещённой лунной дорожкой. Рукотворные пруды, устроенные по голым оврагам с ещё не заросшими берегами камышом, всегда выглядят как большие лужи.

Другое дело, посидеть с удочкой где-нибудь на берегу лесного озера или речки – тишина, покой для души, только птички поют, да вода журчит по камням. А лучше всего поставить палатку на берегу моря...

– Генрих, ты в море купался?

– Конечно. Мы часто с родителями ездили летом на море вместе с бабушкой, ведь Балтийское море от нас совсем недалеко.

– Ну, Балтийское море холодное, в нём особенно не поныряешь! Это тебе не Чёрное море и тем более не тёплое Азовское...

– Не беспокойся, мы ещёкупаемся в тёплых морях!

– Ну-ну, когда будешь купаться в Чёрном море, советую тебе доплыть до Абхазии! Чистое море, пляжи с мелкой галькой, пальмы, горы... Что ты на меня уставился, как хамелеон на муху? Я вроде бы задал тебе нормальный вопрос!

– Я стараюсь вспомнить, где находится эта твоя Абхазия! В Сирии? Нет? В Пакистане? Если в Пакистане, то мы всё равно там будем! Ведь наш фюрер поставил перед своими солдатами как конечную цель войны – поход в Индию, – гордо и по-солдатски чётко ответил мне молодой нибелунг.

– Твой фюрер дурак и не ходил на уроки географии в школе, а так бы знал, что если он хочет поесть бананов в Индии, то ему нужно сначала пройти всю Россию с гаишниками на дорогах!

– Что ты всё время пугаешь меня своими гаишниками? Это кто такие? Отборные войска НКВД?

– Хуже! Намного хуже! От вашей дивизии «Мёртвая голова», доведись ей проехать по трассе Москва – Симферополь, и особенно за Харьковом, целыми из всего прикрученного, приваренного и приклёпанного к вашим танкам останутся только гусеницы. И то не на всех – всё срежут и открутят, и сдадут в «чермет», чтобы расплатиться с ними за проезд по этой трассе. Кстати, вашим солдатам после войны ещё предстоит построить эту дорогу. И сразу хочу тебя обрадовать и похвалить мастерство немецких мастеров – эта дорога простояла без капитального ремонта аж до восьмидесятых годов прошлого столетия, без единой трещины на асфальтном покрытии – пленные на совесть строили!

Генрих развёл руки в стороны и счастливо заулыбался, как ребёнок, наконец решивший для себя трудную задачу:

– Ну вот, теперь я могу пристрелить тебя с лёгким сердцем, как полоумного «унтер-менша», так как больные нашему рейху не нужны! Да и за оскорбление нашего фюрера, в присутствии его солдата, пришло время ответить, – проговорил он заплетающимся языком, стараясь непослушной рукой достать свой пистолет. Но клапан его кобуры никак не хотел открываться, и парень, махнув рукой, вздохнул, и тихо сказал: «Потом...», зевнул, прилёг, как упал, и сразу сладко засопел.

От греха подальше забрав у спящего солдата пистолет, я сидел у догорающего костра и думал о том, за какие это грехи на мою голову привалило такое счастье? И в какую же интересную историю я попал ещё тогда, когда подъехал к тому злополучному шлагбауму с этими артистами? Но то, что эта дорога, какой пользовались только местные жители одной деревни, приведёт меня прямо в «очевидное и невероятное», я никак не мог себе даже представить в самом дурном сне!

Откуда там появился этот сиреневый туман? Ведь я проезжал по этому оврагу десятки раз, и днём и ночью, но даже простого тумана не видел. Может быть, так преломлялся свет моих галогеновых фар в холодном и плохо продуваемом овраге? Но тогда откуда там появились эти солдаты с оружием и настоящими немецкими «цундапами» забытых временем, вполне одушевлённые, нахальные и любопытные, с полной готовностью выполнить полученный приказ? Ну надо же, слопали на халяву моих кур! Хорошо хоть кастрюля с мясом, приготовленным для пикника в честь приезда жены с нашими внуками, загостившие у моих родителей, ещё цела. Надеюсь, что они приедут не с пустыми руками, а с откормленным гусем, но лучше с двумя и с маринованными, обязательно бочковыми, груздями, заказанными моим родителям ещё в прошлом году.

А пока эти, потерянные Манштейном солдаты спят сном праведников, нужно их оружие перетаскать вон за те густые кусты – кто их знает, что им в голову придёт с бодуна, когда проснутся? Три «шмайссера», и каждый с четырьмя рожками патронов, да очень скорострельный пулемёт «МГ» с коробкой патронов и пулемётной лентой двухметровой длины, которую так и не снял со своей шеи вот этот задохлик, – это тебе не наше боевое охранение с трёхлинейками и в лучшем случае с одним автоматом ППШ. Ну что наши солдаты могли сделать в реальной боевой обстановке – только подать звуковой сигнал, и всё! А эти, не суетясь и спокойно, могут продержаться какое-то время против стрелковой роты. Связать их, что ли, от греха подальше? Но прежде нужно выключить в машине фары, а то уже лягушки поквакивать начали в озере, требуя потушить свет.

Перетаскав всё оружие и солдатские каски за кусты, я не удержался от соблазна узнать, как вставляется автоматный рожок и как досылается в ствол патрон – всё просто и быстро, и в бою удобен, но тяжеловат, и одиночный выстрел не сделаешь. Разобравшись с автоматом и пулемётом, я вернулся к затухающему костру, подбросил в него ещё оставшиеся разбитые доски и присел у разгорающегося огня.

Почему всегда так хорошо себя чувствует человек, когда находится рядом с горящим пламенем или у журчащей по камням речки? Наверное, всё это у него осталось от далёких предков, коротавших ночи в тихом месте у реки или у костра в надёжной пещере, оберегающей весь его род. Но пещеры большой радости у меня не вызывают, кроме неугасающего интереса узнать, что там за недалёким поворотом, так хорошо видимым в свете мощного фонаря. Совсем другое дело – живое пламя костра, которое и завораживает тебя, и успокаивает. Какое-то спокойствие и умиротворение растекается по всему телу, когда слышишь тихое потрескивание поленьев. Видишь монотонную игру спокойного пламени костра, отбрасывающего свой свет на близлежащие кусты и рисующие в твоём воображении далёкие страхи и опасности, пришедшие к тебе по длинной генной цепочке, в свою очередь передаваемые из поколения в поколение, не стираемые временем, чтобы уже вы передали их дальше, по цепочке своим прапраправнукам.

Вот и эти ребята, пришедшие на мою землю врагами, задолго до моего рождения, очутились в самом пекле страшной войны, какой не было в мировой истории человечества. Спят и ещё не знают, что завтрашним ранним утром, по их календарю, их ожидала бы безразличная и безжалостная ко всему живому отточенная коса тётушки Смерти, притащившаяся за ними от самой Германии. Наверное, крепко молились богу за жизни своих детей их матери, если эти солдаты, пропавшие без вести семьдесят лет назад, появились вдруг из небытия сейчас. И если бы не по воле какого-то странного явления и стечению обстоятельств, то они наверняка остались бы лежать в чернозёме, обогащая плодородие сельскохозяйственных полей, и я не вытащил бы их случайно из этого оврага.

От этих невесёлых размышлений о невероятных и очевидных событиях, свалившихся на мою голову, как метеорит на тунгуса, меня насторожил и привлёк внимание далёкий звук движущейся машины с прогоревшим глушителем, ревущим на всю округу, когда она оказывалась на вершине горбатого дорожного полотна, и затухал, когда она скатывалась в низину. Кто-то спешит домой, возвращаясь из дальней поездки, а может, кого-то черти куда-то несут.

Свет костра, закрытый с дороги густыми кустами, был ими увиден, когда машина ночных визитёров уже проскочила место съезда к озеру. Рёв двигателя резко стал затихать, завизжали обиженно стёртыми накладками тормоза, и любопытные остановились. На таком расстоянии до дороги трудно определить, сколько людей вышло из машины, но по вспыхнувшему свету в кабине, двери явно открылись, и это означало, что не местные рыбаки проявили любопытство и ревность к своей собственности. Наши мужики даже с завязанными глазами знают съезд с дороги, ведущий к озеру сразу за кустами дикой сирени, но не каждый рискнёт по потёмкам спуститься по крутой насыпи дорожного полотна, чтобы не оторвать передний бампер или глушитель своей машины. Значит это совсем чужие или городские рыболовы, знавшие уже про хорошую рыбалку на этом озере и решившие приехать задолго до рассвета, чтобы занять хорошие места и подкормить рыбу. Так и есть.

Ещё раз вспыхнул свет в салоне машины, и она, порывивая двигателем, медленно тронулась, пошаривая своими фарами в надежде обнаружить съезд к воде. А это уже означало, что они обязательно подъедут к костру с моими курортниками, увешенными автоматными рожками, ножами и пулемётной лентой. Хорошо, что ещё солдаты улеглись в стороне от костра, и мои перемещения от одного спящего к другому с дороги видно небыло. На спящих солдатах, мне не составило большого труда расстегнуть ремни с навешенными на них подсумками и ножами, и, освободив шею солдата от пулемётной ленты, перенёс всё это добро в темноту кустов, к уже лежащему там оружию, и сам остался там же – посмотреть на реакцию вновь прибывших, когда они увидят мирно спящих людей в столь знакомой по фильмам немецкой форме.

Мои умозаключения, что вновь прибывшие ни разу не были на этом озере, подтвердились, когда я увидел, что машина с приезжими стала разворачиваться на узкой дороге, освещая окрестности озера дальним светом фар.

Рёв от двигателя разносился по всей округе, заглушая дружный храп не вовремя уснувших солдат, проспавших генеральное наступление своих войск на Курской дуге ровно семьдесят лет назад, что точно светило бы им штрафным батальоном, а не желанной наградой за триумфальный въезд в расположение своей роты на ненавистной русской «Катюше».

Далеко позади послышался противный визг стёртых тормозных накладок, затем послышался удар и скрежет сминаемого или отрывающегося металла, но зато замолк двигатель, хлопнула дверка и я услышал уже другой звук, равносильный по силе звучания оторвавшемуся глушителю или рёву обиженного быка на боднувшую его строптивую корову. Это на всю округу разносился длинный и понятный только родному русскому слуху монолог, состоящий из отборного мата, виртуозно подобранного без единого нормального слова, так ценимого А. П. Чеховым. Мат стоял – мама не горюй! Ругался кто-то с великой непринуждённостью и вдохнове-

нием! А когда в этот монолог стал вплетаться не меньший по силе звучания, но на столь же родном наречии другой голос, с подсчётом и перечислением всего родословного древа и всех дальних родственников своего оппонента, то мне сразу стало ясно, что приехавшие на рыбалку мужики недавно топтали не столь отдалённые просторы нашей Родины. И поэтому на тихое пробуждение моих подопечных рассчитывать уже не приходилось. Ну что ж, ребята знали куда приехали – не в пивную, наверное, а на войне и убивают. Война есть война, и без рукопашной ни одна атака не происходит. И полки целые гибнут, приближая победу. В конце концов, не убьют ведь, а морду набить поганым оккупантам, за съеденных моих кур и выпитые полтора литра высококачественного самогона моей тёщи, всё-таки стоит. Впрочем, хоть мы с вновь прибывшими и славяне по крови, но явно не из одной пещеры, так что и банку с самогоном нужно перепрятать поближе к моему арсеналу, да и самому не мешает пересидеть грядущее лихолетье подальше от безмятежно спавшего эпицентра неприятностей. Бережёного бог бережёт, если у бережёного голова на плечах. Поди потом, оправдайся перед приехавшей женой, что синяки на лице и поломанные рёбра не от того, что в её отсутствие спасал неосторожную альпинисточку, а украшающие настоящего мужчину отметины, полученные в нештучной борьбе за свою продуктивную собственность с толпой голодных бомжей. Да за какие же это грехи на меня свалились такие приключения? Ведь всю свою жизнь, я всегда пытаюсь избегать таких проблем, но, похоже, я им нравлюсь!

Пока я предавался размышлениям о благородной мести оккупантам, сидя в темноте кустов, но с хорошим обзором нашего бивака, вдалеке прекратился рёв перепуганного стада и заревел оторванной выхлопной трубой автомобильный двигатель прибывших знатоков псевдорусского языка. Машина, мотая одной фарой из стороны в сторону, стала медленно выбираться из неудобного съезда, из которого без особого ущерба может выехать разве что мелкая «ока» и горбатый «запорожец» с внедорожником, а на таком длинномере, показавшимся из-за поворота, нужно ездить только по равнинам Техаса.

Эта такса на колёсах, остановившаяся около моей машины, выглядела так, как будто долго билась лбом о броню танка, а вот вышедших из неё двух бугаёв с битами в руках как-то не сравнишь с мелкими четвероногими. Гориллы молча подошли к спящим и так же молча застыли, тупо соображая, что же это они видят перед собой.

– Вован, ты не знаешь, что это за клоуны здесь разлеглись? – спросил здоровяк, показывая своей битой на спящих.

– Ты чё, к-козёл, я чё, такой у-мный, как т-твоей пахан, чтобы всё з-знать? Н-наверное...

– Ты кого козлом назвал, ты, петух лагерный! Ещё раз услышу – быстро башку отобью, чмо!

– Ага, щаз! Пока ты сы-сы-свою ду-дубину поднимешь, я в тебе ды-дырок наковыряю побольше, чем в твоём ды-дырявом глу-глушителе! – быстро выхватив из-за пояса пистолет, зло прошипел Вован, чуть отступив в сторону и следя за малейшим движением своего напарника.

Как говорила мне одна знакомая любительница приключений: – Становится всё любопытственнее и любопытственнее!

Все незнакомые для читателя и не переводимые на нормальный разговорный и литературный язык слова, я сообщать вам не буду, так как их перевод потребует от меня обширных знаний анатомии человека и животных, да и вас может утомить от очень длинного перечисления всех достоинств и недостатков собеседника, со всеми его местами, где тому место и куда он должен пойти. Так что правильный и последовательный перевод всего сказанного, чтобы не перепутать что-либо местами, займёт очень много времени. Из всего сказанного подойдёт только: «Я правильно сказал?».

– Ладно, заткнись, пожалуйста! Базар развёл, как у себя дома на зоне! Звони пахану, и спроси, что с этими идиотами делать? Уж больно у них тачка хорошая!

Заикастый Вован, зажав под мышкой свою битую и достав сотовый телефон, стал тыкать своими пальцами, как спигоачками, по кнопкам, мучительно вспоминая их очерёдность, и, набрав номер своего пахана, отойдя от своего напарника к моему кусту, бандит стал терпеливо ждать, переминаясь с ноги на ногу, когда же его шеф ответит на звонок.

– П-прошу п-прощения, шеф, за столь по-поздний з-з-звонок... ага, угадали, это я. Кы-кы-как это вы у-у-угадали? Мы здесь на-на озере, да-да-нет, шеф, не рыбу ловим, мы по работе. Ту-тут какие-то ряженные к-клоуны пикник у-устроили, ага, пьянее водки. На-на-каком озере? Да на том, что те-тебе приглянулось! Что на-нам с ними делать? Хо-хо-хорошо, я подожду.

Держа телефон около уха, бык топтался у моего куста с явным желанием избавиться от чрезмерно выпитого пива, и слава богу, что из-за опасения не вовремя ответить на приказ своего шефа, он не сделал два шага к кусту, где его ждал, с полным магазином, пулемёт.

– Да, да, я сы-сы-слушаю внимательно, да, да с-спят они! Что, так что б показательнее для п-п-председателя было бы! Да за-запросто! По-понял, шеф, понял, ла-лады, сделаем! Только у-у-учти, ма-машина моя! Ну и ла-ла-ладушки, будь спок! Да, да, нет, там всё у-уладили! Они уже у-у-успокоились!

Бандит, закончив говорить со своим шефом, спрятал телефон и пробурчал:

– По-пошалим не-немного, а по-потом я за-закачу банкет и до те-тебя д-д-доберусь, чувырлю крашенное! – и, достав пистолет, крикнул:

– Серый, н-ну-ка б-буди у-у-убогих! Не могу у-у-убивать спящих! Потом всегда отходняк у меня тя-тяжело п-проходит. Мнительный я с детства с та-такими ж-жмуриками, – пожалел сам себя отморозок и передёрнув затвор, пошёл к напарнику, поднимающему пинками спящих ребят, которые ничего не поняв со сна, вскакивали и тут же падали под ударами здорового бугая, решившего ради забавы сделать из них отбивные, вволю наиздевавшись.

Один Генрих орал до хрипоты и звал:

– Партизан, партизан!

А бандиты ржали и лупили худеньких пацанов своими кулаками и битой, уже не разбирая, до тех пор, пока не упал последний, и тут, перекрывая крики и весёлую удаль садистов, прогрохотала длинная пулемётная очередь, выпущенная практически в упор, почему-то поднявшая сначала фонтаны воды на чёрной глади озера, а потом сбивающая с ног не в меру расшалившихся отморозков.

– Неэстетично, зато практично! Ласточку мою им надо! Скоты! Катайтесь теперь на лодочке Харона – банкет отменяется! – подвёл я итог без присяжных заседателей, выходя из —за кустов, ещё немного ослеплённый пламенем работавшего пулемёта. Сволочи! Вы пришли за моей жизнью, значит, вы должны быть готовы к тому, что отберут и ваши!

– Schweinhund! О-о-ох! Arschloch! Майн гот! Партизан? Кто это был? Русские разведчики? – Генрих явно был очень перепуган и контужен, отчего говорил с большим трудом, еле-еле открывая разбитый рот. Один солдат, поднявшись с большим трудом, всё ещё ощупывал себя в поисках солдатского ремня с нехитрым солдатским имуществом, но так и не находил. Двое лежали пластом и тихо, с надрывом, стонали. Досталось ребятам очень сильно, и если бы они продержались на ногах чуть-чуть дольше, то все мечты о такой близкой «Катюше» стали бы для них, как Манштейну Прохоровка.

– Нет, Генрих, это не русские разведчики, которым «языки» нужны. Эти пришли за головами! Это приходила Смерть, но промахнулась!

– Боже правый, у вас ещё есть дикари, которые высушивают отрезанные головы? Но, насколько я знаю историю с географией, такие племена живут в какой-то там Полинезии или на Амазонке, не помню. Все мозги, гады, отбили! – покачиваясь из стороны в сторону и держась за голову, тихо и с каким-то всхлипыванием проговорил парень, с опаской косясь на изрешечённые пулемётной очередью туши бандитов. С трудом встав, Генрих подобрал свою кружку

у нашего разгромленного праздничного стола и побрёл к озеру, чтобы набрать воды и умыться лица избитых пацанов, в надежде, что это как-то облегчит их состояние.

Почему-то трупы бандитов на меня не производили никакого впечатления и болезненного угрызения совести, и совсем даже не шокировали, потому что я точно знал, что раздавил мразь, каким нет места на земле среди людей. И хотя рядом со мной были люди в ненавистной всем русским людям форме, для меня они были людьми, попавшими в исключительно сложный жизненный переплёт, из какого им без моей помощи не выбраться.

– Генрих, я к тебе обращаюсь как к взрослому человеку и солдату! Если ты в силах, поднимай своих ребят, как бы тяжело им ни было. От этого зависит – останемся мы в живых или нет. Понятно я говорю?

Но парень, кивнув головой и не сдвинувшись с места, продолжал стоять с кружкой в руке, тихо раскачивая опущенной головой закрыв глаза.

Мало того, что на него свалилась дубина времени, значения которой он ещё совершенно не понял, в лице непонятого и пока не страшного партизана, так ещё в добавок ко всему сонным умудриться попасть под бандитскую мясорубку, отбившую ему все мозги.

– Ахтунг, рухиг, ауфштейн! – кажется так, насколько мне не изменяет память и призывал к порядку в классе наш школьный учитель по немецкому языку, и я не ошибся. Многовековая привычка подчинения приказу, впитанная с молоком матери и закреплённая фельдфебелем на армейском плацу обкатки новобранцев, сделала своё дело – кто мог, тот встал.

– Генрих, это приказ! Обыщите трупы и подтащите их к машине бандитов. Что найдёте у них, обязательно показать мне! Обязательно! А я пока осмотрю эту развалюху, – не выпуская из рук тяжёлый пулемёт, я пошёл к разбитой машине. Это оказался выдавший виды семидесятих годов, а может быть и старше, проржавевший на российских дорогах, щедро посыпанных солью, американский «линкольн». Но свет в салоне автомобиля горел, а большего мне ничего и не надо. В бардачке нашлись документы на машину, водительские права, новенькая колода игральных карт, разная автомобильная мелочёвка и много бухгалтерских документов и накладных какой-то одной организации. А вот под сиденьями была находка, многократно окупившая стоимость съеденных кур и самогона – четыре пухлых пакета с деньгами, перетянутые резинками и завернутые в газету, а также двуствольный обрез охотничьего ружья с патронами и наточенный туристический топорик с резиновой рукояткой. Интересно, деньги они от своего пахана припрятали или везли ему, как собранную дань с ободранного фермерского хозяйства?

Ну что за жизнь пошла?! Господи, ну за что мне такое наказание? Едва у меня появляются неожиданные гости, и тем более деньги, так тут же появляются и нешуточные проблемы! Ну, прямо как в присказке: одна нога короче, но зато другая длиннее.

В багажнике, кроме лысой резины, пустой канистры и большого куска полиэтиленовой плёнки с привязанными на углах верёвками, ничего больше не было, и, оставив его открытым, я опустил дверные стёкла, но машинально посмотрев на приборную панель с датчиком топлива, очень удивился и обрадовался полному баку. Грех хорошему добру пропадать! И пока солдаты, кряхтя и по своему матерясь на свиней (чего только они им не угодили?), подтаскивали и усаживали притихших и молчаливых бандитов на свои места, я, сходя к моей машине за шлангом, слил бензин, заправив свою машину под завязку, так что осталось и на найденную канистру.

– Генрих, захлопните в машине дверки и давайте все вместе разгоним её с косогора в озеро. Там глубина большая, метров десять-пятнадцать будет, а из-за того, что озеро подпитывают очень холодные родники, то аквалангистов здесь отродясь не водилось.

– А что это за аквалангисты такие? – у парня проснулась юношеская любопытность на незнакомое слово.

– Не бери дурное в голову! Это земноводные, такие же любопытные, как и ты! Толкайте скорее!

Снятая со скорости машина легко покатила и, соскочив с невысокого бережка, рухнула в воду, подняв кучу брызг, закачалась на воде, как переполненное корыто на волнах, а потом с бульканьем и шипением, клюнув носом, скрылась в глубине озера. Вслед за ней, сильно размахнувшись, я закинул в воду и прекрасный немецкий пулемёт, найденное у бандитов оружие и сотовые телефоны.

– Что ты наделал? – чуть не кинулся за пулемётом в воду перепуганный Генрих, – ведь мы отвечаем за это оружие своей головой!

– Послушай меня, – как можно тихо и спокойнее обратился я к расстроенному солдату, – за ваши головы, и в частности за твою, отвечаю сейчас я. И от меня зависит, приедете вы живыми к своему гауптману или нет. Ферштейн? А вот когда я привезу вас в вашу родную роту и сдам под расписку вашему командиру целыми... Н-да, ну полуцелыми. И тогда за свои деньги обязательно куплю вам пулемёт Калашникова. Хоть «МГ» для вас и лучше, но в данный момент достать его будет невозможно, даже у крутого барыги. А сейчас объясни своим ребятам, чтобы они очистили всю землю от нашего мусора и сожгли всё в костре, а потом разбросали все головешки. А ты, пойдём со мной! Да, ещё вот что, по возможности очень тщательно затопчите и заметите все следы съезда машины в воду. Это серьёзно и выполнить нужно обязательно. Проверю! Ничего не должно говорить о том, что здесь были люди с машинами.

Отдав команду с подробными разъяснениями своим солдатам, Генрих, хмурый и не понимающий, что от него ещё хотят, потопал за мной, но увидев, что я уже выхожу из кустов с автоматами и касками, успокоился и на моё напоминание о солдатских ремнях с подвесками, оставшихся за кустами, отреагировал очень быстро. Увидев в моих руках свои автоматы, солдаты обрадованно расхватили их, и только Генрих, надев ремень с пустой кобурой, стоял, как голый на площади, с укором смотрел на меня. А я уже успел и забыть про его «парабеллум» из-за всей этой истории и, чтобы не обижать парня, с большим сожалением в душе, вернул эти произведения немецких оружейников его хозяину со словами:

– Потом подаришь к моему дню рождения! А сейчас по машинам!

Прозвучавшая и продублированная на немецком языке команда не заставила никого долго ждать, и, разместившись по своим местам, мы стали потихоньку выбираться на асфальтированную дорогу, чтобы оказаться как можно дальше от этого страшного места, иначе уже мне может светить свой, доморощенный Бухенвальд, и с немалым сроком.

Глава 2

Дорога была абсолютно пустынная, чему я был несказанно рад, а подходившая гроза, разыгравшаяся вдалеке не на шутку, и скорый дождь только вселяли уверенность в то, что всё, что мы могли пропустить, не убрал на берегу, будет смыто и залито дождём. Под ровный и чуть слышимый звук работающего двигателя солдаты молчали и наверняка о чём-то думали, снова и снова переживая весь ужас случившегося. И конечно думали о том, куда это везёт, даже их не спросив, этот более чем странный русский, отдавший им автоматы, нарушая все приказы о светомаскировке в военное время. Но это, как им казалось, уже мелочи, а то, что они воочию увидели рядом свою смерть в образе двух диких русских с дубиной, которая в умелых руках легко порхала и гудела, налетая на них со всех сторон, сшибая с ног одного и тут же находя новую жертву, у которой-то и оружия под рукой не было – вот это было реально страшно. И всё-таки мне было очень интересно знать, о чём они сейчас думают, после столь круто изменившейся в их жизни перемены, с тех пор когда они сидели в последний раз под навесом своей столовой или просто на траве у солдатской походной кухни с котелками в руках, уминая вкусный гуляш, приготовленный поваром-венгром, перед своим заступлением на дежурство у того шлагбаума.

– Генрих, всё плохое уже позади! Понимаешь, жизнь – чертовски капризная штука! Изредка она улыбается, но чаще поворачивается к тебе задом и показывает свой отвратительный характер. И я даже не знаю, каким боком она стоит сейчас перед вами – может быть, задом, чтобы вы её по очереди целовали, то ли передом, чтобы ещё больше вас укусить. Так что жизнь – это такая лотерея, в которой лучше удачно ошибиться, чем неудачно угадать. Но, как ни странно, в эту ночь она вам, кажется, улыбнулась. Вот только улыбнулась ли она мне?

Парень отрешённо молчал и смотрел на бегущую под машину дорогу, и что от него можно ожидать, мне было совершенно не понятно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.